

Тезисы к международной научной конференции
«Япония и Россия: экономика и общество в океане проблем»
International conference “Japan and Russia: Economy and Society in the Ocean of Problems”
(Москва, 15-16 декабря 2011 г.)

Первая секция «Общие проблемы социально-экономического развития России и Японии»

Е.Ш. Гонтмахер

Проблема старения населения в России

Процессы старения населения носят глобальный характер. В первую очередь это относится к наиболее развитым странам, в т.ч. и к Японии. Это один из самых сильных вызовов и экономике, и социальной сфере, и даже политической жизни, на который в стране восходящего солнца постоянно ищутся ответы. В России проблема старения населения становится всё более острой и опыт Японии, безусловно, может быть крайне полезен. Здесь, как нам представляется, открывается широкое поле для обмена мнениями между официальными органами и экспертами обеих сторон. Для его начала автор и предлагает свой анализ процессов старения населения России.

Согласно международным критериям население считается старым, если доля людей в возрастах 65 лет и более во всем населении превышает 7%. В начале 2010 года, по данным Росстата, почти каждый восьмой россиянин, т.е. 12,9% жителей страны, находился в возрасте 65 лет и более¹. В перспективе масштабы старения населения России приобретут еще больший характер.

Можно выделить следующие основные общемировые вызовы экономике, социальным и политическим институтам в связи со старением населения, которые актуальны и для России:

- ухудшение соотношения между численностью работающих и неработающих людей, что становится причиной увеличения налогов;
- рост расходов на пенсионное обеспечение, медицинское и социальное обслуживание, что требует адекватных источников дополнительного финансирования (см. предыдущий пункт);
- изменение в пользу пожилых людей структуры электората, что делает этот слой общества мощной политической силой.

1. В России пенсионный возраст, установленный еще в середине прошлого века, составляет 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. При этом значительные группы работников имеют право на досрочный выход на пенсию (занятые во вредных условиях труда, в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях). Кроме того, в России в прошлом году было 3,9 млн. получателей пенсий по инвалидности и 1,7 млн. получателей пенсий по случаю потери кормильца². При этом в России с 2010 года наметился долгосрочный тренд снижения численности людей трудоспособного возраста.

Казалось бы, очевидным выходом из этой ситуации стало бы повышение пенсионного возраста, как это происходит в большинстве развитых стран. Но для этого есть серьезные препятствия.

Во-первых, это нынешний институт инвалидности, который позволяет очень легко получить соответствующий статус вместе с пенсией и целым рядом социальных льгот.

Во-вторых, состояние рынка труда, на котором многие работники старше 50 лет уже неконкурентоспособны и занимают малооплачиваемые рабочие места.

Какие здесь имеются возможности выхода из ситуации?

¹ www.gks.ru/free_doc/2010/dem-sit-09.doc.

² www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/insurance/6

Прежде всего надо отметить, что все эти возможности дадут значимый эффект в лучшем случае лишь в среднесрочной перспективе.

Первый вопрос для дискуссий здесь – роль международной миграции в улучшении соотношения числа занятых и неработоспособных членов общества. Как известно, миграционный прирост позволил намного смягчить остроту естественной убыли населения России в 1990-2000-е годы. В 2009 году, впервые после 1994 года, численность населения увеличилась на 10,5 тыс. человек или на 0,01%³.

С нашей точки зрения, тенденция повышения привлекательность России для мигрантов должна стимулироваться разумной государственной политикой.

Необходимо рассмотреть и **второе** важное обстоятельство – структуру экономики России и уровень производительности труда. Если не хватает работающих людей, то можно ли это компенсировать их более продуктивной занятостью?

Если бы в России уровень производительности труда был хотя бы в 2 раза выше нынешнего, то это позволило бы высвободить значительную часть занятых в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, строительстве и переместить их на высокооплачиваемые места в сервисной экономике.

Но для того, чтобы обеспечить такой экономический рывок необходимы системные меры, которые входят в повестку модернизации всей жизни страны.

2. С точки зрения старения населения большое значение имеют расходы на здравоохранение и пенсионное обеспечение.

Что касается **здравоохранения**, то государственные расходы на него существенно ниже, чем в других странах «восьмерки». Экономическая модернизация, основанная на быстром росте производительности труда, должна привести и к значительному увеличению расходов на медицинское обслуживание. Однако для того, чтобы добиться такого результата, необходимо провести реформу российского здравоохранения, выбрав модель, адекватную нынешним вызовам.

Сегодняшняя **пенсионная система**, две самые мощные подсистемы которой (базовая и страховая) по-прежнему строятся на принципе солидарности поколений, оказалась не в состоянии ослабить мощное влияние долговременного и неизбежного демографического фактора старения населения.

По существу на повестку дня встает вопрос о новом этапе реформирования пенсионной системы. Новая пенсионная система должна превратиться из **инструмента борьбы с бедностью – в систему страхования и накоплений**.

3. Старение населения создает и достаточно серьезные вызовы политической системе. В составе электората становится все больше пожилых людей. Причем реально влияние мнения пожилых людей во время выборов намного выше, т.к. эта категория наиболее активна с точки зрения явки на избирательные участки.

И дело здесь даже не в чисто количественной активности, а в политических предпочтениях пожилого населения. Если говорить о России, то среди этих людей наиболее распространены симпатии к партиям, которые либо стоят на национал-консервативных позициях, либо олицетворяют власть.

Эти обстоятельства серьезно усложняют возможности для формирования широкой общественной коалиции за реформы не только в России, но и в любой из стран «восьмерки». Для того, чтобы адекватно ответить на этот вызов политическому классу потребуется пересмотреть многие очевидные до сих пор вещи.

Например, необходимо более активно привлекать пожилых людей не только в качестве избирателей, но и депутатов всех уровней законодательной власти. Крайне важно и инициировать компьютерную грамотность пожилых людей – обеспечивать их дешевыми компьютерами, обучать работе с ними, предоставлять на льготных условиях доступ в Интернет. Но самое главное – выработка и реализация политики по улучшению ситуации в

³ www.gks.ru/free_doc/2010/dem-sit-09.doc

пенсионной сфере, здравоохранении и социальной обслуживании, что позволит не только словом, но и делом убедить пожилых людей поддержать столь необходимую России модернизацию.

Е.Л. Леонтьева

Япония: восстановление после удара стихии

К началу 2011 г. экономика Японии практически оправилась от последствий мирового финансового кризиса. В 2010-2011 фин.г. ожидался рост ВВП на уровне 3%, но этот благополучный прогноз рухнул 11 марта, когда северо-восточное побережье острова Хонсю было разрушено катастрофическим землетрясением магнитудой в 9 баллов и накрыто волнами цунами.

Землетрясение и цунами выключили из хозяйственного оборота сравнительно небольшой и не самый густонаселённый район. Но этот район снабжал продовольствием мегаполис Токио. Разрушенные мощности АЭС Фукусима-1 поставляли электроэнергию в район Канто. Предприятия северо-востока Хонсю связаны поставками материалов и комплектующих с огромным кругом сборочных предприятий во многих странах мира. Разрыв глобальных технологических связей тяжело ударил по промышленности Японии, угрожая её корпорациям потерей рынков.

Полная оценка прямых потерь, рассчитанная правительством, составила 33,8 трлн. иен, или более 430 млрд. долл. Это 7,05% годового ВВП Японии. Наибольший ущерб в денежном выражении понесли дорожная сеть, связь, жилищный фонд, фермерские хозяйства, промышленные предприятия.

Первоочередные задачи - восстановление инфраструктуры транспорта и связи в пострадавших районах, возобновление поставок товаров и топлива и строительство нового жилья для расселения пострадавших людей – выполняются быстро и организованно, главным образом силами частного бизнеса. В стране начинается строительный бум. Полная расчистка и обеззараживание территории, рекультивация сельскохозяйственных земель и возможное перепрофилирование экономики на опустошённой земле может занять до трёх лет. На полное переустройство северо-востока Японии уйдёт не меньше 10 лет.

Риски промедления очень велики. Крупные компании уже не первый год выводят свои производственные мощности за границу. Перебои снабжения и дефицит электроэнергии только ускоряют бегство капитала, потерю рабочих мест - «опустошение» экономики.

Самыми тяжелыми задачами являются контроль над атомной энергетикой и восполнение дефицита электроэнергии. Контроль над работой АЭС страдал многими недостатками. Менеджмент станций скрывал технические сбои и фальсифицировал отчёты, а регулирующие ведомства лишались информации об опасностях. Корпорация *TEPCO* и после землетрясения и цунами продолжала скрывать истинные масштабы бедствия, масштаб разрушений и радиационных выбросов. Тушение раскалённого энергоблока было начато с опозданием, взрыва и пожара не удалось избежать. Четыре реактора станции Фукусима-1 готовятся к закрытию и к демонтажу в 2012 г.

На атомных станциях вырабатывалось до 30% потребляемой в Японии электроэнергии. Отказаться от атомной энергетике страна не может. Вряд ли возможно компенсировать дефицит электроэнергии работой тепловых электростанций. Переход на уголь, нефть и газ (все углеводороды импортируются) обойдётся экономике слишком дорого. Возобновляемые источники энергии и экономия энергии потребителями пока не могут закрыть брешь в энергобалансе.

Согласно планам правительства, из гигантской суммы расходов на полное восстановление от ущерба 68% должно быть использовано в первые десять лет. На это пойдут бюджетные средства – деньги налогоплательщиков и средства целевого «восстановительного займа».

Государственное финансирование такого масштаба работ ложится тяжёлым бременем на бюджет страны. Дефицит консолидированного бюджета Японии уже равен 8,6% ВВП, а накопленный долг – 217% ВВП. Но этому долгу противостоят огромные частные сбережения. Ресурсная база японских финансовых учреждений, которые держат 95% долговых обязательств правительства, состоит главным образом из срочных вкладов юридических и физических лиц. Эти ресурсы будут направляться на цели восстановления через рынок государственного долга.

Правительству пришлось отказаться от снижения налогов, которое было необходимо для возобновления экономического роста, и пойти на секвестр расходов по ряду социальных статей бюджета.

Восстановление финансируется через дополнительные бюджеты, для которых должны выпускаться целевые займы, которые будут погашаться, когда возобновится экономический рост

Нестабильность политической системы не помогает государственному финансированию восстановления. Оппозиционная Либерально-демократическая партия блокировала или тормозила прохождение важнейших законодательных актов: законопроектов о размерах эмиссии государственных облигаций, о переводе средств из социальных программ, о дотациях компании *TEPCO*, которая не может покрыть претензий пострадавших. У каждой строки бюджета есть свои сторонники и противники, свои лоббисты. Противники появились в и рядах правящей ДПЯ. Общими силами им удалось вынудить премьер-министра Наото Кана уйти в отставку вместе со всем его кабинетом. Новым главой правительства стал Ёсихико Нода – шестой премьер за последние пять лет.

Недоверие правительству – результат дестабилизации политической системы. Тем не менее, сильная экономика Японии способна справиться с труднейшими задачами.

Summary. Japan: Managing Reconstruction from the Quake Fallout

By the early 2011, Japan's economy almost recovered from the global financial crisis. In FY 2010/2011, real GDP growth rate was expected to reach 3%, but on March 2011 this bright forecast was ruined by a devastating magnitude-9.0 earthquake and ensuing tsunami that pummeled northeastern and the north-eastern coast of Honshu.

The earthquake and tsunami wiped out economic activities in a relatively small and not the most densely populated area. But this region ensured food supply to the great megapolis of Tokyo. The ruined Fukushima-1 power plant was the major power supplier to the Kanto region. Plants and factories in the northeastern Honshu supplies materials and parts to huge networks of assembly lines across the world. Disrupted global technological networks gave a powerful blow to the Japanese manufacturers, which faced a large-scale loss of markets.

A total estimate of direct losses in the area was calculated by the Japanese government and reached ¥33.8 trillion, of over \$430 billion. This amounts to 7/05 per cent of Japan's annual GDP. In terms of money loss, the greatest damage was made to railroads and highways, communications, dwellings, farms and factories.

The top priority tasks were to restore infrastructure of transportation and communications, to resume supplies of goods and fuel and to start construction of new homes for the evacuees. This work is going on is going fast. It is well organized by the people and their private businesses. This is a starting point of a construction boom. Up to three years may take to completely clear and decontaminate the territory, to re-cultivate the farmland and to possibly change the economic pattern in the devastated area. Complete reconstruction of the northeastern Japan may take no less than ten years.

Delays are extremely risky. Japanese corporations have been relocating their facilities abroad for many years. Disruption of supplies and power shortages tend to accelerate this flight of capital and loss of jobs – the “hollowing out” of the Japanese economy.

Restoration of control over nuclear power plants and coping with power shortages are the most formidable tasks. Japan had a faulty system of safety regulations of its nuclear power industry. Managers of the plants concealed malfunctions of equipment and gave falsified statements to

regulators, so that the regulating agencies had no true information about possible threats. Even after the quake and tsunami, *TEPCO* went on concealing the real scale of disaster, the extent of disruption and radioactive emission. Only after a delay, they began to cool the red-hot damaged reactors with seawater, and explosions and fire could not be avoided. The four reactors at the Fukushima-1 power plant are closed and will be decommissioned in 2012.

Nuclear power generation amounts to 30 percent of the country's entire power output. Japan cannot do without nuclear power. Power shortages can hardly be covered if idled thermal plants restart operations. Transition to reliance on coal, oil and gas (all carbohydrates are imported) will involve enormous costs. So far, renewable energy sources and energy conservation cannot fill the gap in the country's energy balance.

According to the official reconstruction program, 68 percent of the huge financial plan for restoration of the quake-hit area must be used in the first decade after the disaster. The expenditures will be covered with fiscal money, namely, with taxpayers' money and with issuance of special-purpose "reconstruction bonds".

Public funding of reconstruction works at such a scale will place a heavy burden of Japan's fiscal system. Consolidated government debt is already equal to 8.8 percent of Japan's annual GDP, and the accumulated debt-to-GDP ratio has reached 217 percent. The public sector is heavily in debt, but this is outweighed by private-sector savings. Liabilities of the Japanese financial institutions, which own 95 percent of the public debt, consist mostly of time deposits of companies and households. These resources will fund reconstruction works through the market of public debt.

The government had to abandon the long-awaited program of tax cuts, which are so needed for the restart of economic growth, and cut back fiscal expenditures on many social needs. Financing of reconstruction works goes from supplementary budgets funded with special bond issues. Redemption of these bonds will begin with resumption of economic growth.

Political instability provides no benefit to public financing of reconstruction works. The main opposition Liberal Democratic Party has blocked or detained some major bills in the Diet, such as the bills on the scale of issuance of government bonds, on transfer of funds from social programs, on support allow *TEPCO* allowing it to cover obligations to residents in the quake-hit area. Each budget item has its opponents and lobbyists. Opponents has appeared in the ruling Democratic Party of Japan. They joined effort to make Prime Minister Naoto Kan resign together with its Cabinet. Yoshihiko Noda has become the new head of the Government – the sixths Prime Minister in the last five years.

People don't trust the government in the destabilized political system. Nevertheless, Japan's economy is strong enough to cope with the most difficult tasks.

Д.В. Гордиенко

Мировой финансово-экономический кризис и уровень экономической безопасности Японии

Глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году, явился следствием накопления дисбалансов как в мировой экономике в целом, так и в национальных хозяйствах отдельных стран. При этом глубина и продолжительность кризиса на экономических территориях различных государств мира определяются не только величиной этих дисбалансов, но и адекватностью принимаемых соответствующими государственными структурами антикризисных мер. В этой связи представляет интерес изучение антикризисных мер Японии и оценка влияния их реализации на поддержание необходимого уровня экономической безопасности этой страны.

С началом кризиса властные структуры Японии активно включились в борьбу с негативными последствиями возникших дисбалансов как в мировом хозяйстве, так и в отечественной экономике. Несмотря на то, что многие меры антикризисной политики

правительства и Центрального банка Японии оказывали влияние сразу на несколько секторов экономики, укрупнено их можно разделить на следующие группы:

- меры по стабилизации финансового сектора;
- меры денежно-кредитной политики;
- меры поддержки реального сектора экономики;
- меры повышения социальной защиты населения;
- налоговые меры;
- меры бюджетной политики.

Финансово-экономический кризис, безусловно, внес коррективы в перспективы экономического развития Японии, а также в изменение уровня экономической безопасности Японии в ближайшее десятилетие.

Кризис, конечно, понизил общий уровень экономической безопасности этого государства, но по отдельным показателям экономическая безопасность Японии в последние годы не только не уменьшилась, но и возросла.

Благодаря своевременно принятым мерам, мировой финансово-экономический кризис также несущественно повлиял на возможности этой страны по повышению уровня своей экономической безопасности.

Антикризисные меры японского правительства, программные выступления высоких должностных лиц Японии подтверждают, что эта страна и дальше будет по-прежнему твердо проводить активную финансовую политику в целях сохранения платежной системы страны, целенаправленно заниматься макрорегулированием, а также совершенствованием структуры экономики, уделяя при этом особое внимание инновациям, экономии энергии и защите окружающей среды.

Оценка *общего интегрального уровня* экономической безопасности Японии и других государств мира базируется на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны.

В этой связи, становится очевидным влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень защищенности национального хозяйства Японии, а также относительное повышение уровня экономической безопасности Японии в перспективе до 2020 года в случае реализации антикризисных планов экономического роста и социально-экономического развития этой страны.

Оценка эффективности реализованных (реализуемых) антикризисных мер каждого государства базируется на расчетах действенности этих мер по минимизации падения соответствующего уровня экономической безопасности относительно прогнозируемого до начала кризиса значения.

Сравнительный анализ этих значений позволяет отнести реализованные в Японии антикризисные меры к одним из самых действенных в период самой острой фазы мирового финансово-экономического кризиса.

* * *

Экономические итоги и прогнозы представляют интерес не просто как дань академической науке. Они важны в первую очередь для оценки текущей экономической политики и ее влияния на использование потенциала экономики, обеспечение экономической безопасности государства.

Мировой финансово-экономический кризис значительно повлиял на возможности Японии по повышению уровня своей экономической безопасности, что до сих пор обуславливает принятие и реализацию японским правительством дополнительных антикризисных мер.

Природная, экологическая и техногенная катастрофы этого года также существенным образом повлияли на японскую экономику. Тем не менее, анализ и оценка эффективности антикризисных мер, принятых в 2008 – 2010 гг., вселяют значительный оптимизм в быстрое преодоление Японией негативных последствий на национальное

хозяйство страны землетрясений и цунами, радиационного заражения почвы и воды в районе аварийной АЭС «Фукусима-1».

Н. Танака

Когда патриот «Ватанабэ-сан» продает Японию

田中 直毅。国際公共政策研究センター理事長

愛国者「ワタナベさん」が日本を売るとき

ファンドを中心とした外国人投資家と海外脱出など一度も考えたこともない日本の一般国民との間には、深い溝があると考えられてきた。ハゲタカやハイエナという動物のイメージで投資ファンドを描くことも一つの傾向となったからである。国民の本来の資産に無遠慮に手をつっ込んでくる国外勢力の遮断こそが国政の課題との言説さえ登場していた。しかし次の三点の設問を頭に浮かべてほしい。

(一) 日本国の債務の認識に当たって、地方自治体のうち、実質上の財政破綻に陥ったところの累積債務から、国は本当にリスク遮断をなしえているであろうか。

(二) 基礎年金の財源として国庫負担が現状では三分の一、二〇〇九年度からは二分の一になる。そして今後の構想として全額国庫負担案も有力だ。それでは保険料の拠出から切り離されたとき、基礎年金の月額給付六万六千円という金額は、たとえば、生活困窮者に対する生活保護費の支給との間でどのような関連に立つのか。年金支給額の引き上げ要請という「有権者の声」は、保険料の拠出が廃止されたとき、どのように位置づけられるのか。その時「大きい政府」すなわち更なる増税路線への抑止力はどこで働くのか。

(三) 高齢者医療費の自己負担の引き上げは、医療保険制度の持続性を裏打ちするために二〇〇五年の医療制度改革で打ち出され、二〇〇八年四月から実施に移されるはずであった。しかし今日ではこれを凍結して補正予算によるその穴埋めが決められそうだ。政策実施者は何を目測し、どこに焦点を当てようというのか。

日本の経済社会の骨格の行方についての深い関心という点において、海外の投資ファンドも日本の一般国民もまったく同様である。違いは、前者は最終投資家から委ねられた資金を増やすという視点から、後者は日本の内部で退職後二十年から二十五年を走り続けることを覚悟する「長距離ランナー」の視点から考える、という点にあるに過ぎない。ここに掲げた三点は、前者または後者のいずれの視点からもまったくおろそかにはできないものである。しかるにわが国の政治の舞台からは、将来を判断するに足るメッセージは一切送られてはいないのだ。いまとなれば前者も後者も苛立ちを隠してはいない。

「利己主義」を止めたければ

本稿は高齢者比率の上昇のなかで人口減少時代を迎える日本にあって経済社会の骨格の持続性を確かなものにするための設計思想を問うものである。海外から寄せられる日本社会に対する関心も当然のことながらかつてのように成長の道筋を探るものではない。山積する難題のなかで新しい課題設定を行ないうるのか、また国家の自己統治に当たっての新しい命題づくりはあるのかないのかという点に目を凝らしている。いわば格闘国家日本における思考の新展開のあり様へと関心が移行したといえよう。もし新しい切り口が日本で登場するならば、グローバル経済のもとでの日本における付加価値創造だと認めようという受け止め方だ。この場合、日本への投資はもちろん報われるものと位置づけられる。

一九六七七年のポンド切り下げをきっかけに英国の経済成果は著しくみすばらしいものになっていった。保守党が政権をとれば重要産業の非国有化に踏み出そうとする。十分な成果が得られないまま替わって労働党が政権につくと再び国有化路線に戻すというストップ・アンド・ゴーの腰の定まらない状況が続いた。英国国民はナチスドイツのロンドン攻撃に対しては一致して耐久戦を持続させ勝利を導いたが、経済失政に対しては自己防衛

に入った。英国経済への信頼が揺らいだときにはポンドの大幅な下落を予想せざるをえず、その時にはポンド安への投機を辞することはなかった。

当時の国際的な投機筋は「チューリッヒ（スイス）の小鬼」と呼びならわされていたが、彼らは実は英国国民による海外への一時的な資産移しを観察したうえで、ポンドについての売りポジションの形成を行なっていたに過ぎないともいえる。英国国民の動きにちようちんをつけたのが小鬼どもというのが正確であろう。愛国者として国際的な定評のある英国国民が自国通貨の切り下がり過程で為替利得の獲得に走ったのである。

自負心が強い英国国民を利己主義モデルの行動様式に追い込んだのは、当時の英国の「経済悪政」であって、自国通貨をたたき売る「非愛国的行動」に英国国民を追い込んだ当時の自己統治の実態が問われねばならなかった。一九七九年にサッチャー保守党党首が総選挙で勝利を収め、あるべき自己統治について、サッチャー流を押し通そうとした背景には、「愛国者」として振舞えなくなった英国国民の深い絶望があったといえよう。

サブプライムローン（返済履歴に問題がある人への住宅融資）問題が顕在化して、ドル建ての資産を売って同時に邦銀への融資返済を行なわねばならない局面が訪れたとき、即ち円キャリトレード（円借り取引）の巻き戻しの局面において、外為証拠金取引（FX）を行なっていた個人に円高移行に伴う為替差損が発生した。これをワタナベさんの投資失敗と呼び習わす海外の当該業界のひとびともいた。ワタナベとは日本の一般国民を思い浮かべるときの符丁として使われたに過ぎないが、ここではありふれた名前の人、即ち通常人が円売りに回ったことを意味する。ここでは将来についての日本売りに利があると彼らが判断していたことが重い。

為替レートを輸出入業者にとっての採算レートとして受け止めた時代は固定相場制がなくなってしばらくして終わった。金融資産の売り買いのなかでこそ為替相場が形成されるに至るのである。ということは為替は円建ての金融資産の取引価格の意味に他ならなくなった。

円建ての金融資産の期待収益率を決める要因は多数に及ぶが、リスク要因として大きいのが国債の流通価格である。あえていえば円建ての金融資産価格の体系の中心に国債の流通価格がある。もし冒頭に既述した三点についての投資家の疑念が払拭されないような状況が長期化するならば、たとえ「愛国者」のワタナベさんであっても資産のかなりについての外国への移転を考えざるをえまい。

既に八百兆円を超す債務を抱え込んでいるうえに、さらに将来の国の債務状況についての不透明性が増すならば、「愛国者による日本売り」が当初は小規模で、そして途中からはかなりの規模で繰り返されることが懸念される。利己主義的に振舞う誘惑を断ちきることは、たとえ「愛国者」であるワタナベさんにとっても、自立した退職生活を展望しようとするれば難しい。信頼醸成措置に踏み出さねばならないのは、日本社会の制度設計の基本を担う政治家の側なのだ。

公的年金「不信」を解くには

経済社会の内部に私人による管轄を超える領域が公共的に組み込まれることは一人ひとりの生活人の生涯を考えても合理的なことである。誰しも望みはしないが、失業、貧困、要介護、加齢という事態を覚悟せねばならない。もしこうした事態に一人で備えようとするれば、いざというときの所要金額見込みについて目いっぱいの設定を取るのが合理的のように思われる。「もしも」という事態に思いを馳せるならば相当に過酷なことも考えられるからである。

そしてこうした想定に従った貯蓄行動、裏返せば消費行動が取られるならば、日本社会は全体として過剰貯蓄、過少消費になり、経済の均衡は保てなくなる。ここから生活保護という安全網を張るための税金や失業保険、医療保険、介護保険、また公的年金という公的保険制度が設計されることになる。問題は非効率や制度の悪質利用がどの程度回

避できるのかである。日本の現状は望ましい設計に近づける努力が報われるようにはなっていないと総括せざるをえない。そこで効率や公正の実現をうまく促すように動機づけがなされ前提とした制度づくりが具体的に試されることになる。

日本の社会保障制度はその都度の状況対応のなかでつぎはぎで設計されてきた。建て増し旅館が非効率的で、かつ利用者の安全を最適に保証できないのと同様のことが生じている。とりわけ保険会計に公費助成がつぎはぎ的に加えられてきたことが、規律を欠く制度利用者を抑制できなくしてきたと考えられる。基礎年金の保険料拠出

者比率の著しい低下や公的年金の管理体制の混迷は、公的年金制度は保険料の拠出者のために設計されたものであり、また拠出者によってのみ支えられるという原則が貫かれなかったことに淵源があるといえよう。

成熟した民主主義社会にあっては、貧困者に対する生活保護制度をなんらかの形で維持してきている。もし公的年金制度を設計することなく、すべては私的年金によって老後を設計すべしとなれば、生活保護という安全網に依存すればよいとして年金無拠出者という横着者が出ないとも限らない。そこで公的年金制度を導入して、強制的な保険料拠出を迫ることになった。

ところが拠出分が積み立てられて個人ごとに年金持分が計算できるという完全積み立て型を日本では採用しなかったため、拠出と給付との関係が不明確、かつ不確定となってしまう。基礎年金への無拠出者が激増したのは、保険制度への不信が高じた面を否定できない。

基礎年金への公費助成が二分の一になるのだから年金拠出は結局得になる、とでもいったキャンペーンまで行なわれかねないのが現状だ。こうなれば損得については利己主義に立って判断させてもらうという状況が発生することは避けられず、公的年金制度は実質上崩壊する。完全積み立て型もとれず、また公費助成も導入した理由については、導入時、すなわち立場の異なる層を制度的不連続を承知で意識的に組み入れた時の事情に発している。しかしこのことはやがて公的年金制度の破綻不安に道を開くことになった。

もし制度を一変させ、基礎年金の財源は全額税金とする場合には、給付額は生計費補助という性格となり、生活保護費の支給とは一体化して考えられなければならない。そして二階建ての報酬比例部分の拠出については、完全積み立て型への移行を図ることが望ましい。

移行期の設計については若干の利害調整が伴うが、税と保険とが識別され、社会的には効率と公正を巡って切れ味のよいものとなる可能性がある。

医療保険制度も問い直せ

医療保険制度の導入によって日本人の平均寿命は飛躍的に伸びた。そうした意味で日本の国民皆保険制度は世界的にみても大成功とされる。しかしいまや持続性という制度の根幹が問われるまでに医療保険会計の赤字が問題視されるに至っている。国民にとっての医療資源の最適な利用形態を考えるという視点からも、公的保険がカバーする領域についての国民的な新たな合意が不可欠となる。

まず公的な保険の真髄は一人ひとりの国民にとってのリスクが顕在化したとき、安心して保険給付のお世話になれるという意味での共助にある。リスクの顕在化という

現象を甘めに解釈すると保険会計からの支出に、ということは保険料拠出に歯止めが利かなくなり、結果として制度の持続性を根底で崩してしまう惧れがある。

ここからリスクの顕現とは分類しない領域を実質上確定させる必要が出てくる。このことを部分的にでも実現するために、たとえば初診料をそれなりに高く設定すれば、下痢やカゼの症状、また二日酔いぐらいでの受診には回避動機が働くであろう。またそうした症状の原因である不注意を回避しようともするであろう。

もちろん重篤な病は間違いなくリスクの顕在化であり、保険制度の本来の趣旨が活用されるときであろう。また国民に健康維持の努力を促す予防医療もリスクの顕現を防止するために必要であり、保険診療の対象とすべきものであろう。保険適用と適用外との混合診療制度が根っここのところから導入されるならば、医療資源の結果としての非効率活用という事態も回避できるであろう。

治療行為はすべて医療保険の対象であるべしというこれまでのような制度の下では、定評のある病院における「三時間待ちの三分診療」などという、秀でた医療資源の不適切利用事例の氾濫が生じることは避けられなかった。

これでは医療保険制度の持続性は保証されないであろう。われわれは保険制度の本来的な使いかたについて改めて問い質されているとあってよい。

自己統治の正念場

「勤労者はおしなべて投資家」という時代をわれわれは生きている。国民皆年金、皆保険の制度が導入された一九六一年当時、平均寿命は六十歳台であった。退職すればしばらくしてお迎えが来るという時代でもあった。ところがその後二十年単位で平均寿命が伸びることとなった。勤労時に年金負担分の拠出に応じたのだから、その運用よろしきを与えて、できることなら身ぎれいに老後を過ごしたい、という意識をすべての勤労者が持つに至ったとしても少しもおかしくはない。このことは経済社会のあり様を投資家の目線で見ることにつながる。

この視点に立つならば、財政支出の膨張、とりわけばら撒きといわれてきた、成果に結びつきにくい財政支出増は、日本社会の持続性を脅かす負の因子である。投資家目線言えば、最大の売り要因でもある。たとえば医療における高齢者の自己負担の上昇を凍結する措置は、一見高齢者に親切な、選挙時にはその果敢さを誇りたいような政策に連立与党議員には見えているのだろう。

しかし投資家目線でみれば、これはマラソンランナーに対し最初の百メートルについてコーチが指示を出すことに匹敵するほどの愚策であり、海図なき航路への誘いでしかない。内外の投資家の失望を惹起することは必至である。そしてこうした混迷が相次ぐならば、年金給付額の下方修正が生ずるのみならず、ワタナベさんは自らの貯え

の運用先を海外に移転させることになるだろう。ストップ・アンド・ゴーが始まってしまえば、こうした道行きからの離脱に当たっては、強靱な腕力がもはや不可欠となる。

日本の政治社会ではこうした人材を見出すのが難しいとなれば、残るは衰退への道をいかに犠牲を少なくしつつたどるのか、とならざるをえない。見るべき民主政治とは自己統治を巡るワザの練磨である。高齢者およびその予備軍は若い世代へのツケ回しを行ない、逃げきりを図ろうとする世代と描き出されることもある。しかし実際にはこの規定は冷厳なる事実を照らし誤りである。それは日本社会の制度設計を巡ってストップ・アンド・ゴーの混迷路線が開始され、財政規律の緩みが明らかになれば、その翌日から日本の資本市場ではこれを織り込もうとするからである。「日本売り」が始まれば、ワタナベさんもこれに加わらざるをえないだろう。自己毀損の可能性がわかっているにもかかわらず、自己にとっての最悪の事態を回避しようとするならば「日本売り」から入らざるをえないと考えるのがワタナベさんなのである。

隣国の都市ごとの気質の特徴について「愛国」「棄国」「売国」などの名付けがあった。私も含めて多くの日本人は表現の卓抜さに感心したものだ。しかしいまや日本社会の制御において、自己統治のワザを通じて良好な統治事例を積み重ねなければ、人口減少時代が日本の衰退につながる可能性を無視できない。「愛国」も消えるわけではないだろうが、「棄国」や「売国」は日常的に観察されることになるだろう。

公正や効率を正面から掲げたうえで、投資家の目線で制度の再設計にわれわれは臨まねばならない。残された時間は、人口の高齢化、国の債務残高の大きさ、投資社会の

俊敏さという三要素を考え合わせるとき、もう決して十分とはいえないのだ。日本人にとっての自己統治の正念場が迫っている。

Сиобара Т.

Сравнительный анализ коррупции в России и Японии (резюме)

Прежде всего необходимо иметь в виду, что сегодня в мире осуществляются антикоррупционные меры, основанные на международных стандартах. 31 октября 2003 г. была принята и 14 декабря 2004 г. вступила в силу Конвенция против коррупции Организации Объединённых Наций (ООН). Россия ратифицировала эту Конвенцию 9 мая 2006 г.. Однако Россия не утвердила 20-ю статью Конвенции («Незаконное обогащение»). Эта статья предусматривает признание странами-подписантами в качестве уголовно наказуемого деяния «незаконное обогащение» государственных служащих. 4 октября 2006 г. была ратифицирована Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Изменение законодательства, отражавшее положения этих двух Конвенций, было предпринято в форме Федерального закона Российской Федерации от 25 декабря 2008 года "О противодействии коррупции".

С другой стороны, Япония не ратифицировала Конвенцию против коррупции ООН. Эта конвенция уже была утверждена парламентом 2 июля 2006 г., но до сегодняшнего дня не приняты национальные законы, соответствующие этой конвенции. Поэтому процедура ратификации не выполняется.

Конвенция ОЭСР о борьбе с дачей взяток иностранным государственным должностным лицам при осуществлении международных деловых операций была принята в ноябре 1997 г. и вступила в силу в феврале 1999 г.. Россия подписала эту Конвенцию 25 мая 2011 г.. Япония подписала эту Конвенцию 13 октября 1998 г., а национальные законы, соответствующие этой Конвенции, вступили в силу 15 февраля 1999 г..

Коррупцию сложно измерять, потому что узнавание коррупции зависит от личного восприятия. Однако существуют методы, используя которые можно индексировать коррупцию и сравнивать степени коррупции в каждой стране. Таблица 1 показывает так называемый индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, или CPI), подсчитанный организацией Transparency International. Он указывает на склонность чиновников разных стран брать взятки. В процессе обобщения данных отдельных исследований каждая страна получает оценку по 10-балльной шкале, где 10 баллов означают отсутствие коррупции (наиболее высокую "прозрачность" экономики), а 0 баллов – самую высокую степень коррупции (минимальную "прозрачность"). Как показывает Таблица 1, в России ситуация с коррупцией ухудшилась, а в Япония улучшилась.

Таблица 1 показывает интересные моменты. Так, возникает вопрос: почему в Азербайджане, где Конвенция против коррупции ООН и Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию были ратифицированы раньше, чем в России, ситуация с коррупцией почти такая же, что и в России?. Несмотря на то, что Болгария ратифицировала Конвенцию против коррупции ООН 20 сентября 2006 г., Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 7 ноября 2001 г. и Конвенцию ОЭСР 22 декабря 1998 г., в рейтинге индекс Болгарии остался низким. Хотя Румыния ратифицировала Конвенцию Совета Европы 11 июля 2002 г. и Конвенцию против коррупции ООН 2 ноября 2004 г., индекс Румынии тоже низкий. Это значит, что антикоррупционные меры неэффективны.

Таблица 1 CPI

Страны	2010	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003	2002
Эстония	6.5	6.6	6.6	6.5	6.7	6.4	6.0	5.5	5.6
Польша	5.3	5.0	4.6	4.2	3.7	3.4	3.5	3.6	4.0

Литва	5.0	4.9	4.6	4.8	4.8	4.8	4.6	4.7	4.8
Венгрия	4.7	5.1	5.1	5.3	5.2	5.0	4.8	4.8	4.9
Чехия	4.6	4.9	5.2	5.2	4.8	4.3	4.2	3.9	3.7
Латвия	4.3	4.5	5.0	4.8	4.7	4.2	4.0	3.8	3.7
Грузия	3.8	4.1	3.9	3.4	2.8	2.3	2.0	1.8	2.4
Румыния	3.7	3.8	3.8	3.7	3.1	3.0	2.9	2.8	2.6
Болгария	3.6	3.8	3.6	4.1	4.0	4.0	4.1	3.9	4.0
Казахстан	2.9	2.7	2.2	2.1	2.6	2.6	2.2	2.4	2.3
Армения	2.6	2.7	2.9	3.0	2.9	2.9	3.1	3.0	-
Беларусь	2.5	2.4	2.0	2.1	2.1	2.6	3.3	4.2	4.8
Азербайджан	2.4	2.3	1.9	2.1	2.4	2.2	1.9	1.8	2.0
Украина	2.4	2.2	2.5	2.7	2.8	2.6	2.2	2.3	2.4
Россия	2.1	2.2	2.1	2.3	2.5	2.4	2.8	2.7	2.7
Туркменистан	1.6	1.8	1.8	2.0	2.2	1.8	2.0	3.7	3.7
Узбекистан	1.6	1.7	1.8	1.7	2.1	2.2	2.3	2.4	2.9
Япония	7.8	7.7	7.3	7.5	7.6	7.3	6.9	7.0	7.1

Источники: www.transparency.org

Здесь я хотел бы показать, как в России боролись с коррупцией. В 1997 году Ельцин отклонил принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации закон о борьбе с коррупцией (см. Таблицу 2). В России не получили применения средства борьбы против коррупции, отличающиеся от международных стандартов. Как я уже отметил, в мае 2006 года Россия ратифицировала Конвенцию против коррупции ООН. Далее, в октябре 2006 года была ратифицирована Конвенция Совета Европы о коррупции. Изменение законодательства, отражавшее положения этих двух Конвенций, было предпринято Федеральным законом Российской Федерации от 25 декабря 2008 года "О противодействии коррупции". В мае этого года был подписан документ: Конвенция ОЭСР о борьбе с дачей взяток иностранным государственным должностным лицам при осуществлении международных деловых операций. Он еще не ратифицирован.

Таблица 2 Меры, предпринимавшиеся в России против коррупции

июль 1991 г.	Принято постановление Секретариата ЦК КПСС "О необходимости усиления борьбы с преступностью в сфере экономики".
4 апреля 1992 г.	Указ № 361 о борьбе с коррупцией запрещает госслужащим заниматься предпринимательской деятельностью.
8 октября 1992 г.	Указом "О мерах по защите граждан, охране правопорядка и усилению борьбы с преступностью" создана межведомственная комиссия Совета безопасности России по борьбе с преступностью и коррупцией. Ее возглавил вице-президент А. Руцкой.
19 февраля 1993 г.	Опубликована программа А. Руцкого из 12 пунктов по борьбе с преступностью и коррупцией.
28 апреля 1993 г.	Согласно Указу Президента № 570 "Об организационных мерах по усилению борьбы с преступностью в связи с растущими ее масштабами, расширением коррупции, представляющими серьезную угрозу интересам государства", общее руководство деятельностью межведомственной комиссии Совета безопасности по борьбе с преступностью осуществляет лично президент.
23 июня 1993 г.	Опубликован Указ Президента "О дополнительных мерах по обеспечению эффективной работы Межведомственной комиссии Совета безопасности России по борьбе с преступностью и коррупцией".
Март 1994 г.	Борис Ельцин провел заседание Совета безопасности, на котором была одобрена федеральная программа борьбы с преступностью и коррупцией.
Май 1995 г.	Указом Президента создана межведомственная комиссия Совета безопасности по общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией.
Декабрь 1995 г.	Президент Ельцин отклонил принятые Госдумой и одобренные Советом Федерации закон "О борьбе с коррупцией" и закон "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в связи с принятием федерального закона "О борьбе с коррупцией".
14 ноября 1997 г.	Государственная Дума принимает закон о борьбе с коррупцией.
3 декабря 1997 г.	Совет Федерации одобрил закон о борьбе с коррупцией.
19 декабря 1997 г.	Ельцин отклонил принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации закон о борьбе с коррупцией.
1 сентября 1998 г.	Госдума отклонила президентский законопроект о борьбе с коррупцией.
1 июня	Госдума отклонила президентский законопроект о борьбе с коррупцией.

2001 г.	
5 ноября 2001 г.	Законопроект "О противодействии коррупции" внесен в Госдуму.
12 августа 2002 г.	Издан Указ Президента "Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих"
20 ноября 2002 г.	Госдума принимает в первом чтении закон "О противодействии коррупции", но впоследствии он был предан забвению.
27 мая 2003 г.	Принят Федеральный закон "О системе государственной службы Российской Федерации"
24 ноября 2003 г.	Издан Указ Президента Российской Федерации В. Путина о создании Совета по борьбе с коррупцией.
12 января 2004 г.	Состоялось первое заседание Совета по борьбе с коррупцией.
27 июля 2004 г.	Принят Федеральный закон "О государственной гражданской службе Российской Федерации"
21 июля 2005 г.	Принят Федеральный закон "О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд"
9 мая 2006 г.	Ратифицирована конвенция против коррупции ООН.
27 июля 2006 г.	Принят Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"
4 октября 2006 г.	Ратифицирована Конвенция Совета Европы о коррупции
1 февраля 2007 г.	Россия стала членом Группы стран против коррупции (GRECO).
3 февраля 2007 г.	Указ о создании Совета по борьбе с коррупцией признан утратившим силу Указом Президента РФ Путина.
19 мая 2008 г.	Указом Президента "О мерах по противодействию коррупции " создан Совет при Президенте по противодействию коррупции.
31 июля 2008 г.	Медведевым утвержден Национальный план противодействия коррупции.
25 декабря 2008 г.	Приняты Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" и Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. N 274-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О противодействии коррупции""
9 февраля 2009 г.	Принят Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления"
18 мая 2009 г.	Издан Указ Президента Российской Федерации "О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера"
17 июля 2009 г.	Принят Федеральный закон "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов"
21 сентября 2009 г.	Издан Указ Президента "О проверке достоверности и полноты сведений, представленных гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению" и Указ Президента "О проверке достоверности и полноты сведений, представленных гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и соблюдения ограничений лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации"
31 марта 2010 г.	Указ Президента "О внесении изменений в состав Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции и в состав президума этого Совета, утвержденные Указом Президента Российской Федерации"
13 апреля 2010 г.	Издан Указ Президента "О национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы"
1 июля 2010 г.	¹ Издан Указ Президента "О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов"
1 июля 2010 г.	² Издан Указ Президента "О мерах по реализации отдельных положений федерального закона "О противодействии коррупции""
8 декабря 2010 г.	² Президент подписал Федеральный закон "О создании Следственного комитета Российской Федерации"
5 мая 2011 г.	² Подписан документ: Конвенция ОЭСР о борьбе с дачей взяток иностранным государственным должностным лицам при осуществлении международных деловых операций.

Источники: Маслов, Олег & Прудник, Александр (2010) "Краткая история борьбы с коррупцией в Российской Федерации 1991-2010," <http://www.polit.nnov.ru/2010/04/18/rosHistoryKorr>, Российская газета, Dec. 9, 2010, Ведомости, Jul. 22, 2010, и т.п..

Я хотел бы сравнить ситуацию в России и ситуацию в Японии с трёх точек зрения. Первая позиция касается игроков, обладающих властью. Как я уже отметил в моей статье, опубликованной в номере 3 за этот год журнала «Экономическая наука современной России», важна связь между властью и коррупцией. Необходима концентрация внимания на

вынужденной коррупции. Например, индийский экономист Vasu проливает свет на вынужденную коррупцию и называет взятки, которые люди часто должны давать в силу их правового положения, “изматывающими.”

Вторая точка зрения - силовые механизмы. Ни так называемый подход политической коррупции, ни подход экономической коррупции не учитывают власть, влияющую на принятие решений потенциально продажных игроков. При этом игнорируются меры, призванные предотвратить коррупцию, которую навязывает власть. С другой стороны, с точки зрения нового подхода, основанного на либерализме, важное значение придаётся субъектности властного игрока и подчинённого, так как власть ограничивает свободу других субъектов. Антикоррупционная политика, соответствующая этому подходу, высвечивает слабость силовых механизмов, призванных ограничивать власть властных игроков. Суть коррупции не в том, являются ли объекты коррупции должностными лицами или нет, а в структуре власти, в которой властные игроки принуждают к коррупции. В этом случае мы можем предположить, что государство или компания есть общность. Для регулирования использования власти следует ослаблять власть правителей, держащих в своём подчинении силовые механизмы. В особенности должны неукоснительно осуществляться расследования преступлений, аресты, задержания, выдвижение обвинений и вынесение судебных решений. Следует делать упор на необходимость исключения угрозы со стороны силовых механизмов, чтобы ограничивать ожидания потенциально продажных игроков.

Третья позиция—госзаказ. Государственный заказ означает заказ на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных (муниципальных) бюджетов и внебюджетных источников финансирования. Во всех странах госзаказ отражает уровень коррупции.

Что можно сказать о коррупции в России, если смотреть на это явление с точки зрения власти? Самый правильный ответ следующий: обострение коррупции с приходом Путина на президентский пост и, как неизвестная величина, результаты деятельности президента Медведева. Если говорить откровенно, Путин, то есть, человек, обладающий властью, сам находится в центре проблемы коррупции. Поэтому необходимо рассматривать проблемы коррупции в связи с Путиным. В таком случае, необходимо обращать внимание на взаимоотношения между институтами и людьми. Если рассматривать связи между Путиным и институтами, можно отметить проблемы, которые возникли из чрезмерной либерализации на предыдущем этапе.

В Японии премьеры-министры часто меняются. Даже японцам сложно запоминать фамилии премьеров: Коидзуми, Абэ, Фукуда, Асо, Хатояма, Кан и Нода. Вообще говоря, Японией руководят бюрократы.

В России есть много силовых механизмов: милиция (МВД), прокурор, следствие, армия, Федеральная служба безопасности (ФСБ), Служба внешней разведки (СВР), Федеральная служба охраны (ФСО), и т. д..

Дело «Трёх китов» началось в августе 2000 г., когда таможенники обнаружили, что в магазинах «Три кита» и «Гранд» продается контрабандная мебель, которую ввозила подконтрольная Зуеву фирма «Лига Марс». Дело было передано в Следственный комитет при МВД следователю Павлу Зайцеву, который начал активное расследование. Но в конце 2000 г. Генпрокуратура по инициативе заместителя генпрокурора Юрия Бирюкова забрала дело себе и закрыла, а вместо этого возбудила дело о превышении служебных полномочий в отношении Зайцева.

Дело о контрабанде было вновь открыто после запроса депутата Юрия Щекочихина весной 2003 г. Президент Владимир Путин пошел на беспрецедентный шаг: дело было поручено независимому от Генпрокуратуры следователю Андрею Лоскутову, а оперативное сопровождение — генералу Александру Бульбову из Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН). С подачи Путина Лоскутов преуспел в расследовании. В 2004 г. был выведен в резерв и перешел на работу в ВЭБ генерал ФСБ Юрий Заостровцев,

которого следователи МВД и представители таможни называли покровителем Зуева. На посту замдиректора ФСБ, начальника департамента экономической безопасности его сменил Александр Бортников — ныне директор ФСБ. Зуев и четверо его поделщиков были арестованы 14 июня 2006 г. До и после этой даты в российских спецслужбах произошёл ряд отставок.

В мае были уволены три генерала ФСБ, несколько высокопоставленных сотрудников Генпрокуратуры, прокуратуры Москвы, МВД. Лишился поста начальник Федеральной таможенной службы Александр Жерихов и два его заместителя, а саму таможню вывели из подчинения Минэкономразвития и подчинили непосредственно правительству. В июне ушел в отставку генпрокурор Владимир Устинов, в июле — его зам Бирюков. Тогда кремлевские чиновники прямо связывали отставки с таможенными скандалами — делом «Трех китов» о контрабанде мебели и делом о контрабанде китайского ширпотреба.

Тогдашние отставки и аресты, вспоминает чиновник, близкий к администрации президента, стали следствием борьбы за таможню двух силовых кланов: Устинова и замруководителя администрации президента Игоря Сечина, с одной стороны, и начальника ФСКН Виктора Черкесова — с другой. Впоследствии Черкесов сам признал существование конфликта с «чекистами», опубликовав статью «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев».

Таможенные скандалы были лишь поводом для отставок, рассуждает сотрудник МВД: на самом деле просто хотели «подчистить хвосты» накануне ожидавшейся передачи власти в 2008 г. Поэтому, считает он, и была разукрупнена Генпрокуратура — в 2007 г. из нее выделили Следственный комитет, который возглавил Александр Бастрыкин (он еще в 2006 г. стал вместо Бирюкова руководить прокурорскими следователями). Когда Бульбов был арестован 1 октября 2008 г., он говорил, что так Федеральная служба безопасности (ФСБ) отомстила ему за «Трех китов».

В мае 2007 года президент Путин подписал закон, который предусматривал создание Следственного комитета при прокуратуре. Главой этой структуры должен быть первый заместитель генпрокурора, но назначаться он должен Советом Федерации по представлению президента и, таким образом, фактически становился независимым от прокуратуры. Целью создания Следственного комитета было заявлено разделение собственно следствия, которым должен был заниматься комитет Бастрыкина, и надзора за следствием и представительства обвинения в суде, которые, как и вопросы экстрадиции, остались у прокуратуры. Фактический отбор у прокуратуры функций следствия должен был ослабить ее политическое влияние.

Однако после создания Следственного комитета при прокуратуре, между СКП и Генпрокуратурой возникли противоречия в связи с разделом функций, имущества и средств, выделяемых на их содержание. В сентябре 2010 года президент Медведев сообщил о предстоящей ликвидации СКП РФ. Глава государства объявил, что на базе СКП будет создан Следственный комитет России (СК РФ). 15 января 2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. «О Следственном комитете Российской Федерации». В Японии подобного органа не существует. Однако большую роль играет Отдел по специальным расследованиям при прокуратуре Японии.

Далее, хотелось бы обсудить то, как реформируется госзаказ. В России 21 июля 2005 г. был принят Федеральный закон "О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд," так называемый 94-ФЗ. С 1 января 2011 г. начал работу единый для всех госструктур сайт (zakupki.gov.ru), где теперь собрана вся информация о закупках и контрактах на всех уровнях власти — государственной и муниципальной.

Министр экономики Эльвира Набиуллина предложила в конце августа свой проект, который должен победить коррупцию в госзакупках, но для этого нужно отменить действующий закон 94-ФЗ о госзакупках. Федеральная антимонопольная служба заявляет, что реализация предложения Набиуллиной может привести к деградации, поскольку,

отменив действующий закон, правительство отбросит всю систему госзакупок на пять лет назад. Вместе с тем в правительстве начинается согласование возможных изменений в законодательстве о госзакупках на основе Федеральной контрактной системы (ФКС).

В России существует система мониторинга. «РосПил» (gospil.info), которая является некоммерческим общественным проектом, направленным на борьбу со злоупотреблениями в государственных закупках. Эта система была основана в декабре 2010 года российским юристом и политиком Алексеем Навальным. РосГосЗатраты - это проект мониторинга государственных расходов на основе открытых данных, он организован Иваном Бегтином. Однако я сомневаюсь в эффективности концентрации госзаказа в руках государственных учреждений.

В Японии происходит процесс внедрения в практику «Принципов повышения честности в общественных поставках», которые были утверждены в октябре 2008 г. в качестве рекомендаций высшего органа Организации экономического сотрудничества и развития её Совета. Кроме того, существует сайт <http://www.e-gov.go.jp/link/provide.html>, который представляет большой массив интернет-информации об общественных поставках. Но в Японии нет системы централизации общественных поставок.

Satoshi Mizobata, KIER, Kyoto University, Vice-director and professor
Sustainability of Business Society after the Crisis: Russia and Japan

Introduction

The global crisis originated in the USA has not reached an end and Europe becomes the fireplace for of the new crisis at present. Russia and Japan bearing consequences of the crisis entered the way towards recovery, both of them showing signs of revitalization of the economy. Russian political stability has relatively improved, driven by the high oil prices. A replacement of the positions of two top governmental officials will undoubtedly result in enhancing Russia's presence in the world, with further policy movement towards modernization and the WTO accession. The perspective, however, is not clear due to the problem of unchanged economic structure.

Japan suffered three disasters in March 2011 (earthquake, tsunami and nuclear power plant accident). In conjunction with the European crisis and Thailand flood, Japanese economy was considerably destabilized. Abnormal yen appreciation hit the Japanese export industry and some scientist say that Japan is on the verge of a crisis facilitated by the so-called "Japanese disease" (political instability).

This paper examines the recovery process from the crisis in Russia and Japan, and investigates sustainability of business and economic system in the post-crisis society. Do the economic systems in Russia and Japan have potential to get over the fragile economic situation? Do both systems survive under the convergent trends of the global economy? We focus on the post-crisis economic structure and give careful consideration to growth constraints.

1. What does the global crisis bring about?

Both Russia and Japan severely suffered from Lehman crisis in 2008-2009. The crisis in Russia exposed that its growth path included instability: heavy dependence on petroleum and gas export and petroleum prices, overheated consumption and speculation supported by export revenues. The growth and crisis caused financial inflow and as a result foreign liabilities increased not only in the private sector, but also in the public one. As cheap money inflows through the state sector and much more money outflows through offshore companies, financial inflow and outflow enhanced the instability of the economy. The twin surplus (trade and budget) is not directly connected with the growth base. The global crisis easily spreads to domestic economy due to petroleum price fluctuations, bubble economy and state budget, as well as through the financial outflow. We may call the above contagious symptoms as "Russian disease" and the post-crisis recovery does not necessarily mean a complete release from it.

As for the Russian enterprises, they also did not change their structure and behavioral modes. They prefer short-term investments and speculation to long-term schemes, as the result private investments deteriorate. Even though the government leads investment policy, the risk of budget crisis has been kept. An inflated budget in conditions of crisis exacerbated the budget uncertainty. "Privatization of profits, and nationalization of loss" cannot create enterprises sensitive enough to the to the global market trends, and specific enterprise behavior cannot be ignored.

The Japanese economy in turn has kept its own primary crisis reason: external demand dependence. Even though East Japan earthquake might positively influence on the domestic demand, Japan continues the export - oriented economy. On the other hand, the intra-firm firm international division of labour exposed its fragility. The deflation spiral has not finished yet, and enterprises are hard to increase innovation investments. Appreciation of yen stimulates overseas manufacturing and the "hollowing out effect" of the Japanese industry. Japan is still in its "lost 20 years". Moreover, the budget deficits worsened due to the crisis and three disasters: social expenditures considerably raised. Accumulated budget deficit may easily become the platform of connection with the global sovereign crisis.

What does an after-effect of the post-crisis society tell us? In short we conclude that global imbalances have been preserved, and in conditions in which the fireplace of the crisis is being transferred from one place to another, Russia and Japan have kept extraordinarily high dependence on the external economy, therefore both of them have played a part in the global crisis linkage.

The economic structure under the crisis in both countries suggests that market failure coexists alongside with state one. In Russia there exist monopolistic enterprises and corruption, and in Japan corporate scandals and political instability (so-called "Japanese disease") can be observed. Thus, the economic recovery for both Japan and Russia after the crisis may be vulnerable, due to the crisis factors deeply embedded in the growth base.

2. Between Chernobyl and Fukushima

Russia and Japan have a common point in nuclear power plant accident, even though reasons of these accidents and the extent of damage differ. The nuclear power plant disaster cannot limit to technology problems, and it raises a question on maturity of society and the present state of economic system and institutions. Here, we investigate business society from the economic constraints and decision-making process.

In 1990s, domestic manufacturing base moved to foreign countries and Japan entered the period of stagnant growth. The largest growth constraints are the depopulation and aging society. They are harmful not only for the traditional skill formation of the Japanese corporations, but also sustainability of social policy and pension system. However, export-oriented industrial structure has not been transformed. A local downpour export needs stable and cheap energy supply. If nuclear power plants played a role of cheap energy supplier, it is not an exaggeration to say that the economic growth would have underestimated costs.

Russia's industrial development differs from that of Japan. Although Russia (the Soviet Union) constructed the manufacturing base initiated by the government (similar to Japan) and profited from its quantitative growth strategy by 1970s, after the growth deadlock of the Soviet Union and its final collapse, Russian manufacturing base was put in danger together with its technological development and skill formation. The following three factors can be regarded as indicators of this process. The first is a fatal blow to the production level in machine tool industry caused by the process of transformation that Russia still could not recover. As the result, production base was completely destroyed. Secondly, weakness of technology level became obvious due to the problem of deteriorated equipment. Thirdly, the low level of Russian infrastructure became a painful issue for further economic development. At the very least, manufacturing industry grown under the socialist regime has lost its technological base, and Chernobyl accident revealed this fact. In addition to this, depopulation, aging society and a critical situation in the sphere of skill formation also negatively affected the domestic economy.

The Japanese economic growth involved undervaluing the economic and social costs and after 1990s the Japanese economic system needs to rebuild it, taking costs and risk of human

resources and reorganization of infrastructure into consideration. In contrast to Japan, Russia has lost its manufacturing base and lacked the global competitiveness. Modernization includes the tasks for manufacturing base recovery and transformation of the economic system in accordance with human resources constraints. In other words, the Russian modernization both means the gradual recovery of industrialized society and post-crisis one.

The nuclear power plant disaster and measures to the accidents express specificity of decision-making (governance) in the organization and its problems. From the angle of comparative institutional analysis, the organizational adjustment can be generally classified into three: vertical (centralized) adjustment, horizontal adjustment and module adjustment (Aoki, 1995, 2011).

The vertical (centralized) adjustment is the case that upper managers formularize context-dependent behavior to subordinates, and the vertical information flow determines them. As for the corporate model, Anglo-Saxon type with high authority of top managers corresponds to this type. At the same time, this model is applicable to the Soviet Union and Russia; and Chernobyl perfectly demonstrated the example of this decision-making process. A lack of flexible adjustment ability and asymmetric information are regarded as a systemic constraint. In the Russian corporate governance, managers have dominant discretion and ownership becomes too much concentrated. The state influence, as an upper organization cannot be ignored, as the Yukos affair shows.

The horizontal adjustment is the case when decision-making is based on the horizontal information flow and knowledge is owned jointly, therefore communication among the parties concerned becomes an important method. Japanese corporations exactly illustrate this type, and we can consider Fukushima as an example. Jointly possession of information takes longer time, and it may cause delayed decision-making and indefinite responsibility. For example, the corporate scandal in Olympus means inadequate governance by conspiring a window-dressing settlement based on the mutually possessed information.

Under the globalization, decentralized module adjustment becomes the centre of public attention. The system is segmented into some parts and interface between parts is standardized and interchangeable. Reorganization of information flow and adjustment and corporate governance reform are an urgent task to be tackled.

3. Sustainability of business society

Business society in Russia and Japan seems not to be sustainable. Japan cannot wipe away the political instability and constantly aims to move towards the stability and new growth source. In turn, Russia has political stability and points to the development of the market economy. The perspective, however, includes uncertainty and risk. Below we shed some light on the constraints of these goals. From the global crisis, we drew the following lessons (Dore, 2011). First, the economic gaps expanded and the poverty rates increased. The large-scale middle class, who traditionally developed countries expanded, became impoverished and the government did not absorb their complaints. Secondly, labour costs reduction under the global competition weakened the status of employees and social benefits provision by the company was diminished, leading to instability of consumption power. Thirdly, excellent human resources concentrated into the financial sector and setting up SMEs and an expression of entrepreneurship fell off. Moreover, the global crisis testifies that the normal market needs the normal development of market infrastructure. Then, how do Russia and Japan correspond to the above constraints?

In Russia, while poverty rate shows a declining trend, Gini-coefficient has been kept high, and its standard lies in the developing countries level. Poverty rate declined from 20.3% in 2003 to 13.1% in 2008. In the same period, the wage gap (top 10%/bottom 10%) expanded from 14.5 times to 16.9 times. Gini-coefficient is 0.535 and wage gap is 34.5 times in Moscow, and its number is 0.352 and 10.1 times in Tver oblast. Labour market also indicates Russian specificity, and wage adjustment and labour hoarding under transformation does not mean stable market, on the opposite they plainly express lack of restructuring.

During market transition, even though Russia achieved high economic growth in 2000s, the middle class has not change fundamentally. In 2000, the lower class occupied 80%, and middle class and high amounted 20%. (Zaslavskaya, 2004). The vertical transfer between strata is hard to

happen, and social strata look stable. The middle class in Russia is miserable (20-25%), compared with the case in Europe (55-60%). As far as middle class becomes a cornerstone of the civil society and the market economy, the Russian society is liable to be unstable because of a lack of mutual trust among strata and lack of stable attitude towards authority and bureaucracy. According to the household survey on the size of middle class, defined by the economic conditions such as income, savings and others, the share of middle class and higher strata occupied only 27%. In addition, definition by economic conditions, occupation, social position and self-definition in 2007 20% can be regarded as middle class, and we cannot observe the serious change, compared with the situation in 2000 (Shastitko et.al, 2008). SMEs' indirectly indicates an entrepreneurship. The share of SMEs is remarkably small in Russia, compared with developed countries and other emerging economies. In 2008, in 439.6 million employed, middle companies had 2.27 million (4.6%) and small enterprises had only 11.41 million (micro enterprises have 4.68 million). The total share is only 23.1%.

Moreover, besides the employees, there are 4.9 million so called individual entrepreneurs without judicial entity. The number of employees working for them is amounted to 7.6 million people, and if we include this amount into the small and medium enterprises sector, it will come out that about 26.2 million are employed in it. In addition, about 13.6 million people work in unofficial sector of economy, given the fact that the total amount of employees is 70.6 million, we have that only about 39.7 million people (56%) are actually employed in SMEs sector. This level despite being quite over-estimated still stands far beyond in comparison to some other major developed economies. Another negative trend is that there are still many administrative obstacles for business in Russia, the financial system is poorly maintained, e.g. the "pilot" and "copilot" of the capitalist economy are missing; market vitality and modernization together with diversification of the economy, being proclaimed as priority goals, are in fact have no real forces (carriers) to be implemented by.

On the other hand, in Japan in conditions of growing global competition, the atypical employment was officially recognized. The employment sphere of atypical employment was considerably expanded and at present amounts to about 35%; while the unemployment rate still remains very high and keeps increasing. The unemployment is particularly a serious problem for the younger generation; the disputes among the young and elder generation on whether to preserve lifetime employment system or not more often remind a furious fight for a piece of a delicious pie. Simultaneously, in conditions of further ageing of population, incomes continue to fall, while relative poverty rate is gradually growing: 1985 – 12%, 2003 – 15%, 2009 – 16%. Moreover, index of households' social welfare dropped in 2009 to the level of 1951, and we may proclaim this situation "the lost 50 years". Plus, the Gini coefficient keeps augmenting. Moreover, appreciation of yen and increasing costs for maintaining domestic industrial plants stipulated the transfer of industrial (manufacturing) bases to Asia that resulted in a gradual decrease of industrial sector's importance for the domestic economy. Furthermore, formation of new SMEs tends to decrease proving the facts that venture business is in recession. However, the major limitation is no doubt the ageing of population.

Both in Russian and Japanese business societies there are many constraints (limitations), such as the subject of policy, institutions, infrastructure, therefore it is difficult to imagine their stable and sustainable development. In the next part of the paper, let us examine the question whether the business community may evolve a repetition of crisis in both Russia and Japan.

4. Russian and Japanese diseases: on the difficult way to recovery

Policy measures are not simple neither for modernization of Russian economy, nor for the stabilization of the Japanese one. Providing changes in economic structure, both countries seem to tackle completely different problems. However, economy of both Japan and Russia strongly depends on export, thus making the domestic economy vulnerable towards consequences of crisis. Besides, despite discrepancy in standards both economies show trends of development without considerably new job-creation. In other words, in case of Russia, fluctuation of oil prices is the major factor capable enough to significantly hit the domestic economy and it is a key obstacle in

tackling modernization policy. On the other hand, political instability is often symbolically called as “Japanese disease”, but from the economic viewpoint the real disease is the transfer of industrial bases to Asian countries, due to reasons such as appreciation of yen, cost reduction and strengthening of international competitiveness. In these conditions the stability of economic development is hard to achieve. Hence, market economy and business society while showing its peculiar features both in Japan and Russia; in both countries the market economy is strongly correlated with external environment and gradually adopting to it.

The most important thing in implementing successful policies of modernization and stabilization is innovation that can become a new sort of drive to challenge the stagnating USA economy. Russia shapes its goals to transfer from dependency on foreign technologies to a catch-up development, strengthening of local (domestic) competition and state-driven development of space industry, nanotechnologies, nuclear industry and bio-energy in its program “Innovative Russia 2020” (January, 2011). However, spot projects like Skolkovo and their impact for domestic economy are shed with doubt. Committee on innovations criticize low level of innovative companies in Russia and low research expenditures of big enterprises, pointing out at the total “takeover” from the side of the Government. High level of equipment deterioration, especially in the sphere of infrastructure, is a major limitation factor in future attraction of capital investments. But in general, the problem is centered on the question of implementer (carrier) of the policy. Even on condition of successful creation of platforms like Skolkovo, the problem of innovative implementers still rests and inevitably should be tackled in the establishment process of effective policy measures. Japanese conditions are different from the Russians ones, but the problem of innovations exists here as well. The government proposes the strategy of economic revival through the development of medical, environmental, agricultural and food industries, but the implementers of it are not clear, as the result the government is needed to guide the private investments. As for the private investments, in conditions of crisis the question how to replace the so-called “zero-sum game” speculative behavior with the profit seeking one depending on technology development and skill formation is being posed again.

The role of the government in Russia and Japan varies largely. In Russia the biggest barriers for business are corruption and non-transparent tax system in conjunction with bureaucratic intervention of the government. Researches dividing the level of trust into individual, social and trust in government show that in Russia the level of trust towards the government is the lowest among the three types, while trust among individuals is very high. In Japan the instability of the political system often viewed as a “Japanese disease” significantly builds barriers on effective policy implementation and negatively impacts on economic rankings. In any case, the trust in government is a necessary pre-condition, whether it is the government of Mr. Putin or the Cabinet of DPJ.

Moreover, constructing of a safety net and implementation social policies is another indispensable element for economic growth and stability in both countries. To tackle these issues attention should be paid to taking measures on social inequality and equality security.

To sum up, all the conditions stipulated above are a sort of cure against Japanese and Russian diseases, but the cure is not a sufficient one without tackling the common problems of global community of advanced economies. Whether these conditions would be spontaneously created in Japan and Russia after crisis, this very important political and economic problem should come first, far before the questions of modernization and stabilization.

Conclusion

“Why Russia is not America?” is a title of one bestseller in the recent years. The answer to this question is that because Russian community naturally has higher costs. These are costs by predisposition, namely severe climate conditions and vast territory, thus making Russia internationally incompatible with other advanced economies. In other words, to eliminate regional gaps in development on the East of Russia starting from the Urals and to guarantee equal basic human rights of citizens on this vast territory is a very costly venture in comparison, for example, with Japan, where such costs would be lower, due to comparatively advantageous climate

conditions and homogeneity of population. Big nation with severe climate conditions, but rich natural resources undoubtedly has advantages on the international market, but at the same time it is inevitably disadvantageous in the sphere of international labour division. At present Russia does not participate in international division of labour in East Asia and, thus, is automatically excluded from the region with the most dynamic economic development in the world. International labour division in the world was re-established after the collapse of the socialist system, as the result export and transaction costs were diminished, but for Russia that was not necessarily the case due to severe natural conditions and vast territory. Apart from that, Russian market as well as the Chinese one rhetorically represents so-called “state capitalism” characterized by government intervention and abnormal market conditions. When compared to the Chinese case in which the socialist system was preserved, the late construction of economic institutions in Russia can be again explained by the fact of higher costs of transition reforms.

Another point worth mentioning is that both Russia and Japan have their original economic systems different from the Anglo-Saxon model. Despite the gradual process of convergence among the models, caused by expanding process of globalization, these discrepancies are hard to be embedded. In Russian conditions “normal market economy” will always be nothing more than a desktop theory or an ideal expression.

Nevertheless, we do not stress the isolation of Russia from the global economy. On the contrary, in the process of globalization Russia has strengthened its relations with the world economy, and its reaction to global crisis and mechanism of its transmission testify that Russia has become an important link in the world economy. If we consider the transition to a market economy as transition towards economic cycle built in harmonization with capitalism of advanced economies, the transmission mechanism of 2008 crisis can serve as an indicator that Russia has already finished the transition.

Business societies in Russia and Japan after crisis operate on the basis of specific characteristics formed in pre-crisis period. But how to eliminate these specific characteristics and become free? This is perhaps the major question, a successful answer to which would mean a final breakthrough from the crisis, and to some extent it will stipulate the success or failure of the modernization. Same is true for the Japanese business society. Another problem to tackle in Japanese conditions is how to reach growth without creating new employment opportunities – a common task for many advanced economies. Needless to say, that business society different from the Anglo-Saxon model is reorganized under the new phenomena of globalization (WTO accession, TPP negotiations) and even more influences on the prospects of the global crisis.

Reference

- Aoki , M. (1995) *Evolution of Economic System and Diversification: Introduction of Comparative Institutional Analysis*, Toyokeizai. (in Japanese)
- Aoki, M. (2011) An organizational challenge in East Asia: How to prepare for complexity, uncertainty, and innovation, *Asia Economic Community Forum paper and presentations*.
- Dore, R. (2011) *Global Economy taken over by Finance*, Chuko. (in Japanese)
- Maddison, A. (2004) *The World Economy*, OECD, Kashiwa. (Translated into Japanese)
- Mizobata, S. (2011) Russian economic crisis reconsidered, *Shimane Journal of North East Asian Research*, forthcoming. (in Japanese)
- Shastitko A.E., Avdasheva S.B., Ovchinikov M.A., Maleva T.M., Ovcharova L.N. (2008) *Russian Middle Class on the Day before and peak of Economic Growth*, Ekon-Inform. (in Russian)
- Zaslavskaya T.I. (2004) *The Contemporary Russian Society*, Delo. (in Russian)
- Statistical data of Rosstat

Ю.Д. Денисов

Море инноваций против океана проблем

Среди множества современных проблем – как глобального характера, так и наиболее актуальных для отдельно взятых стран (Японии, России и др.) – существует немало таких, успешное решение которых во многом зависит от прогресса науки и технологий, а также от масштабов их применения на практике. Среди них следует назвать в первую очередь проблемы, связанные с энергообеспечением, сохранением окружающей среды, здравоохранением, совершенствованием транспортных и информационных систем и т.д.

Анализу этих проблем, а также путей их решения как в Японии, так и в России уделяется довольно много внимания, причем, в Японии они решаются особенно успешно, чему способствуют ее высокоразвитая научная и производственная база и тесное научно-техническое сотрудничество с такими странами-лидерами инновационного развития, как США, Великобритания, Германия и др.

В России на рубеже 1970-80-х гг. началось отставание от стран-лидеров и в инновационной сфере, и в высокотехнологичных отраслях экономики. На сегодня это отставание приобрело немыслимые ранее масштабы – потребности экономики и социальной сферы удовлетворяются за счет импорта не только высокотехнологичных, но и многих традиционных товаров. Так и не сумев занять твердые позиции в системе четвертого технологического уклада, Россия оказалась сегодня неспособной конкурировать с развитыми странами мира, успешно реализующими технологии пятого технологического уклада, именуемыми обычно «высокими технологиями».

В докладе приведены многие примеры технологий, призванных решать высокоактуальные проблемы экономического и социального развития в период до 2020-25 гг. Указываются страны-лидеры в их разработке и возможные пути ускорения инновационного развития России на высокотехнологичных направлениях.

Вторая секция «Проблемы японского общества»

Taichi ONO, Professor, Graduate School of Public Policy University of Tokyo
Social Security in Japan – its history and challenges

Japan has achieved universal coverage of health insurance and public pension in 1961; this year is its 50th anniversary. The Japanese system has two contrasting characters, namely the “follower”, and the “frontrunner”. Roughly said, after 1961, the history of the Japanese social security system could be classified into five phases.

Until 2009, under the so-called “1955 Regime” with dominant ruling of LDP (Liberal Democratic Party), social security system has been developed to pursue both “the enrichment of the benefit” and “the balance between the benefit and burden”. Politicians and bureaucrats have realized the policies with tactically using the political, economic and social trends of the time. Until early 90’s, continuous economic growth became the buffer to enable such political maneuver.

Under Koizumi Cabinet, system-wide structural reform was implemented. The reform improved the fiscal soundness, but had several consequences to degrade its function. Under Fukuda Cabinet (around 2008), the LDP shifted their policies to pursuing not only the sustainability but also the intensification of the social safety net function of the system, with advocating the hike of consumption tax rate as the main source for supporting the programs. Such move was relayed to the current DPJ (Democratic Party of Japan) Cabinet, with adding several measures to accommodate with further socio-economic changes of the Japanese public, especially of the younger, working generations.

Although the DPJ is still struggling with their self-binding “Manifesto 2009” that stated benefit improvement by eliminating governmental waste without raising the tax, current Cabinet is now pursuing the reform on social security and tax, including the raise of the rate of unpopular consumption tax.

“Solidarity”, one of the values that the social security system is relying on, is challenged by the current socio-economic changes, including the changes in employment, family structure, the community and the lifestyle. Sense of “social inclusion” with understanding the diversity among the people may also be affected. Nowadays doubts are casted onto the sustainability of the system, especially by the younger generations. Recognition of inequities in the social security system would exasperate not only the trust to the system itself but the common recognition of solidarity or social inclusion that has been embodied in the post-WWII society as a form of universal social security system.

“Comprehensive Community Care (CCC)” has been advocated by the Government to provide the necessary support for elder care to be realized nationwide by 2025. The concept requires both the commitment of the seniors to remain physically and mentally healthy so as to maintain independence in later days, and the active participation to the community activities to mutually support their daily life. The concept also asks for the enrichment of community care services. CCC should be crafted and implemented in well-balanced manner so as to secure the notion of solidarity or social inclusion even under difficult economic condition. How the Japanese would realize the CCC in coming decade with the support and understanding of the people in economically sustainable way should be the decisive factor whether the Japanese social system could become the model of the graying globe in near future.

С.Б. Маркаръян

Иммигранты в Японии: pro & contra

Япония - одна из немногих стран в мире и единственная среди развитых государств, которая до сих пор остается моноэтнической: 99 % ее населения – японцы. На протяжении веков число иностранцев, попавших в Японию и оставшихся там, было крайне незначительно. Япония в прямом и переносном смысле была «закрытой страной».

Преобразования периода Мэйдзи вызвали необходимость приглашения специалистов и рабочих из западных стран, которые помогали японцам осваивать технологические новации Запада.

До начала Второй мировой войны число иностранных рабочих пополнялось за счет рабочей силы из завоеванных стран (Кореи и Китая).

Укрепление роли Японии как передовой региональной, а затем и мировой державы, развитие транснациональных компаний, расширение процесса слияний японских и иностранных фирм и одновременно тяжелое положение трудящихся в развивающихся странах вызвали к концу 1980-х годов весьма значительную для страны волну миграции иностранцев.

Необходимость приема иностранной рабочей силы диктуется изменением демографической ситуации в стране (прежде всего, возрастной структуры населения), углублением процессов глобализации и условиями международных договоров.

Жесткие положения Закона об иммиграционном контроле, принятого еще в 1951 г., начиная с конца 1980-х годов постепенно смягчаются: увеличены сроки пребывания иммигрантов, упорядочены их статусы, расширены возможности получения работы, облегчена процедура получения разрешения на въезд.

Общее число зарегистрированных резидентов сейчас небольшое, особенно в сравнении с положением в других развитых странах – на 2008 г. не более 2 % населения, что объясняется сохраняющимися законодательными ограничениями на въезд и работу для иностранцев.

Пребывание иностранных работников ставит правительство перед необходимостью создания комфортных условий для их проживания и работы, ибо в новой японской стратегии экономического роста именно они названы основой устойчивого развития страны в условиях тенденции сокращения населения.

Наиболее серьезной проблемой для правительства является неприятие иммигрантов (их субкультуры) большинством населения страны, а также связанный с ними рост преступности.

Страна остро нуждается в выработке стратегических установок по вопросам иммиграции, создании государственной программы адаптации иммигрантов.

Д.В. Стрельцов

«Низкоуглеродное общество» в Японии

Понятие «низкоуглеродного общества» обозначает новый тип социума с высоким экологическим сознанием, ставящего перед собой цель постепенного отказа от использования ископаемых видов топлива. Концепция «низкоуглеродного общества» основана на понимании того, что ископаемые источники энергии исчерпаемы, а их использование является важным фактором глобального потепления климата – одной из наиболее серьезных угроз, стоящих перед человечеством. «Низкоуглеродное общество» предполагает отказ от потребительского подхода к природе, проведение активных мер в области энергосбережения, переход к альтернативным энергетическим источникам, использование которых позволяет снизить выбросы парниковых газов и, соответственно, ослабить риск парникового эффекта.

В Японии проблема строительства «низкоуглеродного общества» обрела особую актуальность в связи с реализацией тех обязательств, которые она взяла по Киотскому протоколу. Концепция «низкоуглеродного общества» в этой связи стала разрабатываться в качестве базовой теории, обосновывающей принципиальную возможность и необходимость стратегического курса на борьбу с глобальным потеплением климата. Ее выдвижение призвано было за счет создания привлекательного образа будущей социальной и экономической системы вооружить общество новыми ориентирами развития и обосновать необходимость в существенных материальных и организационных издержках, на которые следует пойти для достижения обозначенной цели.

Концепция «низкоуглеродного общества» предполагает проведение долгосрочной государственной стратегии, нацеленной на решение трех задач: 1) снижение доли углеводородов в энергетическом балансе страны; 2) эффективное энергосбережение и приоритетное развитие «низкоуглеродных технологий»; 3) построение нового социума с высоким экологическим сознанием.

С начала 2000-х годов министерство по защите окружающей среды Японии приступило к разворачиванию крупного исследовательского проекта, цель которого заключалась в том, чтобы обозначить наиболее существенные характеристики «низкоуглеродного общества», подтвердив их соответствующими количественными индикаторами. В 2004 г. была создана Исследовательская группа по разработке методики оценки средне- и долгосрочной экологической политики построения «низкоуглеродного общества» в Японии

Уже в первом промежуточном докладе группы, опубликованном в феврале 2007 г., делался вывод о принципиальной возможности сократить к 2050 г. эмиссию двуокиси углерода на 70% по сравнению с уровнем 1990 года, главным образом за счет сокращения спроса на энергоносители на 40-45%. Математическое моделирование продемонстрировало, что сокращение спроса на энергоносители для Японии может быть результатом как объективных процессов сокращения населения, так и субъективных факторов, главным из которых является активная государственная политика, направленная на энергосбережение и более активное использование возобновляемых источников энергии.

- **В промышленном секторе** экономики проведение структурных реформ и меры по повышению эффективности энергопотребления позволят обеспечить, как ожидается, от 20 до 40% сокращения спроса.

- **В секторе пассажирского транспорта** эффект от предпринимаемых мер, включающий более рациональное использование территорий, улучшение энергосбережения и отказ от углеводородных энергоносителей, может проявиться в сокращении спроса, которое может достичь величину до 80%;

- Большой эффект (60-70%-ное сокращение спроса) может быть достигнут **в сфере грузовых перевозок**, и прежде всего за счет более рациональной структуры логистики, а также повышения энергоэффективности грузового автопарка, в том числе сокращения расхода топлива;

- Существенным (до 50% сокращения спроса) может быть эффект **в жилищно-коммунальном секторе**, в котором большое значение будут иметь меры по стимулированию капитального ремонта существующих зданий в соответствии с современными требованиями, активное применение современных изоляционных материалов и технологий, распространение энергоэффективных приборов и оборудования.

Вместе с тем «низкоуглеродное общество», обозначенное докладами Исследовательской группы, пока еще является достаточно расплывчатым понятием, основанным на множестве допущений, схематизации, в которой отправной точкой является некая идеальная модель общественного развития, которую предстоит построить к 2050 году.

В качестве одного из шагов на пути к реализации концепции «низкоуглеродного общества» можно оценить амбициозную инициативу по сокращению эмиссии к 2020 году на 25% по сравнению с уровнем 1990 года, выдвинутую японским правительством после прихода к власти правительства Демократической партии. В стране развернулись дискуссии относительно несправедливого бремени расходов, которые Япония должна будет нести в одностороннем порядке в случае, если прочие страны откажутся выступить с аналогичными обязательствами. С учетом малых шансов реализовать эти обязательства только за счет внутренних источников, Япония рассматривает прибегнуть к механизму купли эмиссионных квот у зарубежных стран.

И.С. Тихоцкая

«Тихие революции» в Японии

Япония – не просто страна древних традиций, но страна, где глубоко укоренившиеся традиции пронизывают повседневную жизнь людей и почитаются ими. Это страна, где на протяжении всей истории предпочитали эволюционный путь развития. Любознательные и прагматичные японцы, известные во всем мире как непревзойденные имитаторы, имеющие чутье на все новое и перспективное, умеющие доводить все до совершенства, всегда и во всем сначала как следует все изучат, проанализируют и только потом на основе чужеземной идеи создадут «продукт», который весь мир будет воспринимать как нечто новое и сугубо японское. И слово «какумэй» («революция») применялось в Японии лишь в отношении событий, происходивших за рубежом, но не в отношении самых что ни на есть радикальных преобразований в своей стране – яркий пример именованию революционных по своей сути событий Мэйдзи «какусин» («реформа», «обновление»).

В XX веке положение изменилось. Сначала, в 1960-70-е годы, стало применяться словосочетание «кагаку гидзюцу какумэй» («научно-техническая революция»), в достижения которой Япония постепенно вносила все большую лепту, и в итоге поверженная, разоренная войной страна вышла в число мировых экономических лидеров. В результате коренным образом изменилось и японское общество - значительно повысился уровень жизни людей, изменился облик населенных пунктов и жизненный уклад, стиль жизни людей. Но сложившееся в стране общество, ориентированное на мужчин, стало «давать трещины». Все большее число женщин не хотело больше ограничиваться лишь заботой о семье и доме, а стремилось к самовыражению и самоутверждению. Стал рушиться характерный для послевоенного периода быстрых темпов экономического роста стереотип поведения женщин

– после замужества и рождения ребенка оставлять работу и превращаться в «сэнгё сюфу» («профессиональную домохозяйку»). Дело в том, что изменение социальной структуры японского общества вследствие радикальной структурной перестройки экономики, превращения большинства занятых в наемных работников, привело к тому, что их женам не надо было более принимать участие в семейном бизнесе. Вся японская система найма в основном стала ориентироваться на мужчин, тогда как женщины, в отличие от прежних времен, занялись исключительно домом и детьми.

Однако постепенно, по мере роста и расширения сектора услуг, сервизации и информатизации экономики, благодаря большим возможностям частичной занятости, шансы женщин на трудоустройство резко увеличились. Выход на авансцену, изменение роли, активные действия женщин стали настолько заметно менять японское общество, что это позволило известному японскому социологу Ивао Сумико на рубеже 1980-90-х годов назвать этот процесс «тихой революцией».

В пережившем длительную депрессию 1990-х годов японском обществе в начале нового столетия стали отчетливо проявляться перемены, к которым также как нельзя лучше подходит определение «тихая революция». Весьма пассивная в конце XX века в общественно-политическом плане японская молодежь, и особенно лица мужского пола, предпочитает «работать, чтобы жить», а не «жить, чтобы работать», как это было свойственно их отцам, значительно больше ценит досуг, материальный достаток и независимость, отсутствие необходимости заботиться о ком-либо. Современное поколение молодых японцев, прозванное «потерянным», все более склонно к проявлениям индивидуализма, удовлетворению собственных устремлений и интересов и все менее готово жертвовать ими ради коллективных интересов. Юноши стали гораздо больше внимания придавать своей внешности — красить волосы, активно пользоваться косметикой, одеваться либо более тщательно, либо, наоборот, броско, нарочито небрежно, но в целом, чтобы быть заметными; они уже больше, чем девушки следят за своим весом. Во многом социально неприемлемые, девиантные формы поведения, вызывающие обеспокоенность в обществе, являются проявлением протеста молодых против образа жизни их отцов и разочарования от того, что они стали взрослыми после краха экономики мыльного пузыря и столкнулись со всеми ее негативными последствиями (прежде всего безработицей и отсутствием былой стабильности, что лишило их надежды), не сумев насладиться тем ажиотажем, что царил во время «надувания пузыря». Пассивность молодых людей, по-видимому, является и ответом на все более самоуверенное поведение женщин. Вследствие этого девушек в японском обществе окрестили «мясоедными», а юношей – «травоядными».

В конце первого десятилетия нового века произошло то, что можно назвать и «тихой революцией» в политике – поражение безраздельно господствовавшей практически на всем протяжении послевоенных лет Либерально-демократической партии Японии. Победа весьма молодой Демократической партии Японии на выборах 2009 г. в большой степени была связана с тем, что многие люди, по их собственному признанию в беседах с автором данных строк, голосовали за нее из любопытства – затянувшаяся депрессия 1990-х, сохранение нерешенных экономических и социальных проблем ставили под сомнение способность ЛДП изменить ситуацию к лучшему.

Анализируя изменение роли женщин в японском обществе, проявления девиантных форм поведения молодежи, новые явления в политической жизни Японии, мы пришли к выводу, что в этом проявляется свойственная Японии гибкость и адаптация к меняющимся внутренним и внешним условиям. Причем, в отличие от того, что когда-то «прививалось японцам сверху» (например, «неприлично ходить голым или в несоответствующей случаю одежде»), и политика в отношении равных прав мужчин и женщин в обществе, и решение проблем молодежи, оказания помощи семьям, имеющим детей, и даже перемены в политической жизни, скорее, догоняют, идут вслед за изменениями в обществе. В этой связи именно термин «тихая революция» в наибольшей степени отражает суть изменений,

имеющих место в современном японском обществе, парадигма которого во все большей степени определяется наиболее активной ее частью – женщинами.

Н.П. Тебин, старший научный сотрудник ЦИЯ ИДВ РАН
Полиция Японии. Опыт для реформы полиции России

С 1 марта в России вступил в силу Закон о полиции. Целый год шло его обсуждение, внесено много поправок, но успокаиваться рано.

Среди основных отрицательных моментов в работе милиции, указывались: отрыв от населения, отсутствие независимого контроля и недостаточная открытость деятельности, раздутость штатов. В Законе о полиции прописаны многие положения, направленные на их ликвидацию. Но это базовый закон, к нему нужен пакет конкретных законов, способствующих выполнению базового. Важнейшим из них, на наш взгляд, является закон о штатной структуре полиции, которая не обсуждалась.

В Японии самый низкий уровень преступности, особенно уличной, при этом на одного полицейского приходится в два раза больше граждан, чем в европейских странах. Коэффициент преступности, число преступлений на 100 тыс. человек в год, вот уже много лет в Японии ниже, чем в США по всем видам преступлений. По грабежам и разбойным нападениям - более чем в 100 раз, а именно последние в наибольшей мере характеризуют уличную преступность, которая касается каждого гражданина.

С начала перестройки Центр исследований Японии Института Дальнего Востока пытался довести положительный опыт японской полиции до правительственных органов и депутатов Думы. Но, судя по дебатам, японский опыт ни кого не заинтересовал.

Иностранным туристам, впервые попадающим в Токио, кажется, что в сравнении с другими мегаполисами мира город наводнен полицией. Но это впечатление обманчиво. В Японии на каждого штатного полицейского в среднем приходится 550-560 граждан, в США, Германии, Франции - в 1,5-2 раза меньше. Тем не менее, в Японии патрульно-постовая служба задерживает 60-65% нарушителей Уголовного кодекса по горячим следам, часто на месте преступления и обеспечивается это продуманной структурой полиции и главным образом системой полицейских будок, т.н. «кобан».

Важнейшей задачей «кобан» является «развитие контактов с населением и общественными организациями своего района» в целях создания «антикриминального общества».

Возможно ли внедрение «кобан» в Москве? По нашим оценкам – да. Официально штатная численность полиции в России составляет 1 100 000 человек, или около 130 граждан на одного полицейского. Если в Москве, как в Японии, направить 40% персонала в низовое звено, в «будки», то на каждого полицейского будет приходиться около 330 москвичей. Укомплектованные «будки» нужно подчинить отделениям милиции, на территории которых они расположены. При политической воле такое можно сделать за 2-3 года.

О.Н. Железняк

Реформа образования в Японии: с новыми целями в новый век

Со второй половины XIX в. японская система образования дважды претерпевала коренные преобразования. Первая реформа образования была проведена в эпоху Мэйдзи (1868-1912), вторая – вскоре после окончания Второй мировой войны. Необходимость проведения третьей реформы образования назрела более 20 лет назад и была вызвана начавшимся и активно идущим процессом глобализации.

Важно подчеркнуть, что каждая из трех реформ образования в Японии являлась реакцией на требование времени, ответом на внешний вызов и была жизненно необходима для дальнейшего развития страны.

Первоначальная концепция третьей реформы образования в Японии была выдвинута премьер-министром Ясухиро Накасонэ. Он заявил: «Пришло время разработать новый политический курс на проведение реформ в политической, экономической, социальной, образовательной, культурной и других сферах. Это нужно для того, чтобы Япония смогла принять вызов грядущих перемен, сумела защитить свое будущее... образовательная реформа должна быть нацелена на то, чтобы, с одной стороны, сохранить и развивать дальше традиционную японскую культуру, унаследованную от предыдущих поколений. А, с другой – воспитывать у подрастающего поколения высокие идеалы, растить его физически здоровым, формировать личность гражданина, развивать в нем творческое начало, прививать подрастающему поколению японцев общепринятые в человеческом обществе моральные и поведенческие стандарты, чтобы будущие граждане Японии смогли внести свой вклад в сокровищницу мирового сообщества, а именно привнести в него частицу японского сознания».

После Я. Накасонэ проект реформы неоднократно дорабатывался.

В 2001 г. Министерством просвещения и науки Японии был опубликован «План обновления образования на XXI век». Под девизом «улучшим школы – изменим образование» в этом плане указывались семь «стратегических аспектов» реформы образования.

Предложенные реформы определяют три приоритетных направления, по которым пойдет развитие японской системы образования в ближайшем будущем:

1. воспитание образованной элиты, которая позволит Японии и в будущем занимать лидирующие позиции в области самых современных технологий;
2. укрепление морально-нравственного воспитания;
3. претворение в жизнь нового Основного закона об образовании.

Характерными моментами третьей реформы японской системы образования можно считать ее нацеленность на индивидуализацию обучения и культивирование индивидуальности учащихся, усиленное развитие мыслительной деятельности и творческих способностей, смягчение стресса, получаемого абитуриентами при поступлении в ВУЗы, расширение образовательных возможностей посредством системы непрерывного образования, содействие процессу интернационализации японского общества.

Проведение реформы образования предполагает также решение ряда проблем, накопившихся в сфере образования: апатия со стороны учащихся; запугивание и насилие в школе, подростковая преступность; отказы посещать школу, нежелание родителей нести ответственность за воспитание своих детей; сильные стрессы на вступительных экзаменах при поступлении в ВУЗы.

Одна часть намеченных преобразований призвана решать проблемы, возникшие внутри нынешней системы образования Японии, а другая – ориентирована на ответ вызовам современности, на адаптацию японского образования к изменяющимся внешним условиям.

Реформа японской системы образования еще не завершена и будет продолжаться. Как сказал в 1984 г. премьер-министр Я. Накасонэ: «Образовательную реформу нельзя провести быстро, чтобы реформировать систему потребуется длительное время. Результаты реформ будут видны не ранее, чем через 20 – 30 лет».

Е.Л. Катасонова

Японцы в виртуальном пространстве

В последние годы мы все чаще встречаемся с таким понятием, как киберкультура – новым цивилизационным явлением, вошедшим в нашу жизнь за какие-то последние 20 лет.

Киберкультура как глобальный феномен возникла благодаря Интернету, и история ее развития может быть прослежена в тесной взаимосвязи с теми этапами эволюции, которая переживала в своем становлении эта новая глобальная сеть, в том числе и в Японии. Как ни парадоксально, но именно в 1990-е годы, вошедшие в историю под таким мрачным определением, как «потерянное десятилетие» вследствие продолжительной экономической депрессии, охватившей страну, происходит зарождение и расцвет новой японской цифровой культуры.

В это время в Японии широкое хождение начали приобретать персональные компьютеры и Интернет, которые сразу и кардинальным образом изменили жизнь японцев. Говорят, что Интернет явился «свидетельством победы сил децентрализации, индивидуализма и отдельного сообщества над централизацией, рынком и государством»⁴. Да, это так. Но, с другой стороны, именно Интернет сделал мир глобально единым, крепко опоясав его одной огромной «мировой паутиной» и позволил каждому члену этого нового сообщества свободно выразить себя и найти своих единомышленников.

Новые технологии сократили расстояние между людьми: электронная почта сделала возможным общение со всем миром - обмен научной и культурной информацией, обсуждение общих проблем и даже совместную художественную деятельность, а создание собственных сайтов открыло новые и неограниченные пути для презентации собственных творческих достижений и т.д.

Непрекращающийся и по сегодняшний бум японской массовой культуры среди зарубежной молодежи достаточно наглядно отражает число соответствующих сайтов в поисковой системе Google на английском языке. Так, например, на 27 июня 2007 г. количество веб-сайтов, относящихся к разделу манга, составляло 132 млн.170 тыс., караоке – 86 млн.930 тыс., анимэ – 25 млн.480 тыс. и т.д.

Новый и принципиально важный этап в развитии Интернета в Японии связан с переходом страны на мобильную связь. В настоящее время число пользователей мобильным интернетом превышает 90 млн. человек⁵. Мобильный телефон сегодня является неотъемлемым элементом урбанистической жизни современной Японии, а молодежь просто не мыслит себя без этого современного изобретения, начиная с поддержания повседневных рабочих, социальных, частных контактов и кончая всевозможными развлечениями в минуты досуга.

Мобильный телефон сегодня четко поделил японское общество на молодое поколение мобильных Интернет-пользователей и его старшую возрастную группу. Юные японцы создают новый стиль жизни и целую субкультуру, основанную на мобильной связи, которая выразила их стремление к выражению своей индивидуальности при помощи новых широких технологических возможностей. Одновременно с этим мобильный телефон в Японии - это предмет дизайнерских поисков большинства из его обладателей. Главный критерий, которым руководствуются все владельцы мобильных телефонов, состоит в том, чтобы это самодетальное творчество отвечало понятию «кавайи» (cute - по английски) – «буквально милый, приятный, хорошенький», которая стала основной эстетической категорией современной японской молодежной культуры Японии. А в связи с внедрением в молодежную культуру последних технологических достижений иностранные исследователи выдвинули новое понятие - «techno-cute», соединяющее в себе две по сути контрастных эстетики – холодный разум машин и теплоту человеческого восприятия⁶.

Влияние мобильных телефонов затронуло буквально все сферы японской культуры и породило новые жанры: мобильный роман, мобильный фильм и т.д. За короткое время пройден путь от примитивных однотональных мелодий-звонков или ринг-тонов и простейших монохромных экранных рисунков-логотипов и экранных заставок к

⁴ Japanese Cybercultures. Edited by Mamette Gottleb and Mark McLelland, London- New York, 2003, p.61

⁵ Диджитару контэнцу хакусе (Белая книга по цифровому контенту), Т., 2008, с.80

⁶ Japan Times. 1999, 25 March, p.11

полифоническим мелодиям и полноценным звуковым mp3-файлам, цветным Java-изображениям, цветным фото и видеоклипам и, наконец, телевизионному видеозвукоряду эфирных программ и т.д. Одним словом, резко изменился мир вокруг нас, а вместе с ним и культура, отвечая новым условиям нашей жизни. И, хотим мы того или нет, но ход событий уже изменить нельзя. Киберкультура, куда можно со всем основанием отнести и ее мобильный сегмент, это уже вполне устоявшаяся реальность нашего времени, один из основных векторов развития современной цивилизации.

Третья секция «Внешнеэкономические и внешнеполитические проблемы»

В.О. Кистанов, руководитель Центра исследований Японии ИДВ РАН, д.и.н., к.э.н.

Торгово-экономические отношения между Россией и Японией: проблемы и тенденции

Несмотря на нерешенность территориальной проблемы и отсутствие мирного договора, экономические связи между Россией и Японией в первое десятилетие 21-го века продемонстрировали поступательную, хотя и неровную, динамику.

В последние годы объем российско-японской торговли заметно вырос. В 2008 году он достиг пика и составил более 29 млрд. долл. По итогам 2009 года объем двустороннего товарооборота под воздействием мирового кризиса снизился до 14,5 млрд. долл. Правда, объем торговли в 2010 году вырос до 24,1 млрд. долл. При этом экспорт составил 16,1 млрд. долл., а импорт – 8 млрд. долл. Таким образом, в прошлом году Россия имела положительное сальдо в торговле с Японией в размере более 8 млрд. долл. По оценкам, в текущем году товарооборот может достигнуть 30 млрд. долл., и, тем самым, установить рекорд в двусторонних отношениях.

Однако доля Японии в российском товарообороте даже в благополучном 2008 году составила всего 3,9%. То есть, роль Японии во внешней торговле России весьма незначительна. Еще меньшую роль играет Россия во внешней торговле Японии. Ее доля во внешнеторговом обороте Японии в том же году равнялась лишь 1,6%.

Если посмотреть на структуру торговли России с Японией, то выяснится, что на протяжении долгих лет она не претерпевает серьезных изменений. Япония закупает у России преимущественно энергоресурсы, цветные металлы, морепродукты и лес. На эти четыре товарные группы приходится свыше 90% всего стоимостного объема российского экспорта в Японию. Более того, их доля неуклонно растет и постепенно приближается к 100%: в 2008 году она увеличилась до 94%, а в 2009 году – до 96,3%.

Доминирующей тенденцией последних лет был ускоренный рост российского экспорта в Японию нефти и нефтепродуктов. На них приходится примерно половина всего объема экспорта. В 2010 году доля России во всем импорте Японией нефти составила 6,8%. Растет и доля сжиженного природного газа – в том же году в японском импорте СПГ она равнялась 9,1 %.

В российском же импорте из Японии главной статьёй являются автомобили. Большинство из этих автомобилей – легковые машины. Однако в 2009 году импорт как подержанных, так и новых автомобилей значительно сократился. Это обусловлено финансовым кризисом, а также существенным повышением импортных пошлин на автомобили в России. Тем не менее, и в 2009 году на автомобили и другие транспортные средства пришлось 53,9% всего российского импорта из Японии. В 2010 году на легковые автомобили пришлось более половины этого импорта.

Из приведенных данных видно что, торговля нашей страны с Японией носит характер обмена топлива, сырья и морепродуктов на готовую промышленную продукцию в основном потребительского характера. Если называть вещи своими именами, то Россия как была, так и остается сырьевым придатком Японии и рынком сбыта ее автомобилей –

главного товара японского экспорта. Именно на производстве и экспорте автомобилей и электроники в значительной степени держится вся японская экономика.

В инвестиционном сотрудничестве между Россией и Японией имеются свои проблемы. И главная из них – нежелание японского бизнеса делать крупные инвестиции в российскую экономику, прежде всего в обрабатывающую промышленность, а не в автосборочные и энергетические проекты.

По данным на конец 2010 года, объем японских инвестиций, накопленных в российской экономике, составил 9,0 млрд. долл. В этой сумме так называемые инвестиционные кредиты занимают львиную долю – свыше 90%. Попросту говоря, это связанные торговые кредиты. На них Россия обязана, как правило, покупать товары у японских фирм. Эти кредиты России нужно будет возвращать, естественно, с процентами.

А вот объем японских прямых инвестиций составил всего лишь 823,5 млн. долл., или 9,1% от общего объема. Между тем, это наиболее эффективные капиталовложения, так как несут с собой новые технологии, передовые методы управления и другой позитив.

По объему всех инвестиций в экономику России Япония, долгое время являвшаяся второй экономической державой мира (в прошлом году она уступила это место Китаю), находится всего лишь на 8-м месте среди зарубежных стран-инвесторов.

Объем накопленных инвестиций из Японии продолжает оставаться на невысоком уровне и относительно общего объема иностранных инвестиций в российской экономике. На конец 2010 года, объем накопленных инвестиций из Японии составил 3,0% от общей суммы накопленных в экономике России иностранных инвестиций. А доля японских прямых инвестиций вообще мизерная – 0,7%.

Отраслевая структура накопленных японских инвестиций свидетельствует об ограниченной направленности этих инвестиций по видам экономической деятельности. Так, в 2010 году 86,7% инвестиций было аккумулировано в добыче и переработке нефти. Далее идут: обрабатывающие производства – 5,1%, оптовая торговля – 4,4%, производство транспортных средств и запчастей к нему – 1,1%.

Структура японских прямых инвестиций также оставляет желать лучшего. И без того незначительная сумма этих инвестиций сосредоточена в узком сегменте нашей экономики. По данным на конец 2010 года, их большая часть сосредоточена в оптовой торговле – 47,4%, производстве транспортных средств и запчастей к ним – 19,6%, производстве листового стекла – 6,4%, а также в сфере лесозаготовок и переработки древесины – 5,9%.

Из этих данных следует, что японские капиталы на сегодняшний день не играют сколько-нибудь заметной роли в экономике России, за исключением нефтегазовых проектов на Сахалине. Там доля японской стороны в проекте «Сахалин-1» составляет 30%, а «Сахалин-2» - 22,5%.

Если говорить о сотрудничестве в валютно-финансовой сфере между Россией и Японией, то оно практически только начинается. Японские банки и другие финансовые структуры пока очень слабо представлены на российском фондовом рынке. А российский предпринимательский капитал в Японии присутствует чисто номинально.

Безусловно, серьезными препятствиями для деятельности российских компаний в Японии являются традиционная закрытость японского рынка, отсутствие в России конкурентоспособных товаров с высокой долей добавленной стоимости, а также технологий, востребованных на этом рынке, и ряд других объективных факторов. Вместе с тем существенным субъективным фактором является нежелание (а часто и неумение) российских бизнесменов, по примеру предпринимателей из других стран, вести кропотливую, рассчитанную на длительную перспективу, работу по освоению японского рынка – второго по объему рынка мира после американского.

В общем, объективно говоря, на сегодняшний день Россия и Япония весьма слабо зависят друг от друга в сфере экономики. Судя по всему, не предвидится скачка в экономических связях между ними и в ближайшие годы. Вряд ли, например, стоит ожидать в

обозримой перспективе столь же быстрого роста товарообмена между нашими странами, который был отмечен до кризиса 2008 года. Ведь основным «драйвером» этого товарообмена был экспорт японских автомобилей на быстро росший за счет нефтедолларов российский рынок.

Однако в связи с вновь надвигающимся кризисом мировой экономики и, соответственно, неизбежным падением цен на нефть, потребительский спрос в России, в том числе на автомобили, по всей видимости, значительно снизится. Мартовская природно-техногенная катастрофа в стране также негативно скажется на экспорте японских автомобилей в Россию.

Вместе с тем можно полагать, что стоимостный объем российского экспорта в Японию в определенной степени вырастет за счет начавшихся и ожидаемых поставок нефти и газа. Очевидно, что экспорт нефти, газа и угля из России в Японию может существенно вырасти в ближайшие годы в связи с упомянутой катастрофой. Его рост будет обусловлен возросшими потребностями Японии в российских энергоносителях, как в ходе реконструкции японской экономики, прежде всего на сильно пострадавшем Северо-востоке Японии, так и из-за неизбежного снижения доли атомной энергии в ее энергобалансе. Однако рост стоимости российского экспорта в Японию будет сдерживаться ожидаемым падением цен на нефть, а вслед за ней и на газ.

Пока не видно и признаков того, что в ближайшие годы на Россию обрушится дождь японских инвестиций, особенно прямых капиталовложений, в том числе на Дальнем Востоке и в Сибири. В постсоветский период, как в нашей стране, так и Японии много говорится о возможности развивать Дальневосточный регион России с помощью японских капиталов и технологий. Это соседний с Японией регион, однако, парадокс заключается в том, что его связи с этой страной находятся на низком уровне. Единственная сфера, где имеется крупномасштабное присутствие японских компаний – это, как уже отмечалось, нефтегазовые проекты на Сахалине.

По данным на 2009 год, доля японских инвестиций в Сахалинской области составила 82% от всех японских инвестиций в России. Благодаря этому Сахалинская область стала центром сотрудничества России со странами АТР. Среди этих стран Япония является главным партнером Сахалинской области. Но это, скорее, исключение, чем правило, и здесь речь не идет о самых эффективных прямых капиталовложениях. В целом же экономическую деятельность Японии на Дальнем Востоке России можно оценить как весьма скромную.

По данным на 2009 год, на долю Японии приходится лишь 22% внешнеторгового оборота Дальнего Востока и Забайкалья. А инвестиционная деятельность японских компаний находится на низком уровне даже в таких наиболее развитых районах Дальнего Востока, как Хабаровский и Приморский края. Так, сегодня в Приморском крае действует 370 предприятий с иностранными инвестициями. Из них только 10% - с японскими инвестициями. А в Хабаровском крае насчитываются 44 предприятия с японским капиталом. Но это составляет лишь 7,5% от общего количества компаний с иностранным капиталом.

Российские политические деятели и официальные представители всячески заывают в указанный регион японских инвесторов. Однако парадокс состоит в том, что эти призывы звучат на фоне отсутствия какого-либо желания отечественного крупного капитала вкладываться в этой части страны. Более того, идет крупномасштабная утечка капитала из России. В текущем году, она, по оценкам, составит около 75 млрд. долл.

Японские же компании, если не считать энергетические проекты, пока предпочитают вкладываться в более развитых регионах, а не на Дальнем Востоке. По данным на 2009 год, 58% всех прямых инвестиций Японии приходилось на Москву, 17% - на Санкт-Петербург, 9% - на Московскую область. Доля же Приморского края в японских прямых инвестициях составила 7%, а Хабаровского края – всего 3%. Правда, есть две отрасли, где на Дальний Восток приходится почти весь объем японских прямых инвестиций в России. Это деревообработка, а также рыболовство и переработка морских продуктов.

Так, на Хабаровский край приходится 59% всех прямых инвестиций Японии в деревообработку, а на Приморский край - 30%. В сфере рыболовства и переработки морских продуктов японские прямые капиталовложения распределены следующим образом: Камчатский край – 46%, Приморский край - 28%, Сахалинская область – 26%. Однако абсолютные показатели японских инвестиций даже в эти две отрасли являются очень низкими. В деревообработку они составили всего лишь 45,9 млн. долл., а в рыболовство и переработку морских продуктов и того меньше – 25,7 млн. долл.

Тенденцию вкладываться в более развитые регионы России можно четко видеть на примере японских производителей автомобилей и строительной техники. Те же «Тоёта» и «Ниссан», поднимаемые на щит как флагманы японских инвестиций в России, построили автосборочные заводы под Санкт-Петербургом, а вовсе не в Хабаровске и Владивостоке. А фирма «Комацу» создала завод по производству строительной техники в Ярославской области – одном из наиболее развитых в промышленном отношении регионов России. То же самое можно сказать о компании «Хитати», которая, как недавно сообщалось, собирается построить завод по производству средних экскаваторов в Тверской области. На Дальнем же Востоке и в Сибири, как уже говорилось, японские инвестиции идут главным образом в энергетические и сырьевые проекты.

Судя по всему, эта тенденция сохранится на обозримые годы. Япония проявляет интерес к проекту «Сахалин 3», освоению месторождений угля в Якутии, проектам по сжижению газа и предприятиям по переработке нефти во Владивостоке. Они готовы принять участие в строительстве терминалов по перегрузке угля и в возведении второй линии Байкало-амурской железнодорожной магистрали. Другими словами, японские капиталы на Дальнем Востоке и в Сибири по-прежнему ориентируются, прежде всего, на добычу и вывоз из России энергетических ресурсов и производных от них продуктов.

Правда, по сообщениям японских СМИ, «Тоёта» собиралась строить автосборочный завод во Владивостоке. Была также информация о том, что «Хонда» может построить автосборочный завод на Дальнем Востоке, а «Мазда» собирается сборочное производство на базе компании «Соллерс». Однако пока это не более чем планы весьма ограниченного характера, а для широкомасштабного привлечения японских капиталов на Дальний Восток есть ряд фундаментальных препятствий.

Очевидно, что в Россию, в том числе на Дальний Восток, серьезные японские капиталы придут только тогда, когда там не на словах, а на деле будет создан подходящий инвестиционный климат, производственная, транспортная, финансовая и социальная инфраструктура.

В привлечении японских компаний на Дальний Восток есть ряд других труднопреодолимых факторов сдерживания. Один из них состоит в том, что здесь России приходится конкурировать с Китаем и Южной Кореей. Две соседние страны подобно большому и маленькому пылесосам «отсасывают» японские инвестиции, которые потенциально могли бы прийти в Россию.

Но нам с этими странами трудно конкурировать, потому что они обращены к Японии своим фасадом, то есть экономически наиболее развитой частью своей территории. Российский же Дальний Восток, к сожалению, является одним из наименее развитых в промышленном отношении регионов страны. Дело также в том, что в этих двух странах условия для привлечения японских капиталов гораздо более привлекательные, чем в нашей стране.

А России для создания более благоприятного инвестиционного климата необходимо преодолеть ряд серьезных проблем. К ним, в первую очередь, нужно отнести низкое качество российского рынка и слабый потребительский спрос, прежде всего, в указанном регионе. К тому же этот спрос и далее продолжает сокращаться в связи с оттоком населения оттуда в другие районы страны, а также за рубеж.

Кроме того, как указывают сами японские бизнесмены, препятствиями для более широкого притока инвестиций из Японии в Россию являются часто меняющиеся таможенное

и налоговое законодательства, бюрократизм, а также коррупция и другие факторы. Таким образом, только устранив эти препятствия, мы можем рассчитывать на повышение интереса японского бизнеса к России в целом и к Дальнему Востоку, в частности.

При этом необходимо создавать благоприятные условия не только для крупных японских корпораций, но и для малых и средних предприятий. Они очень слабо представлены на российском рынке, в отличие, например, от того же Китая. В этой стране действует около 30 тысяч японских компаний, из них около 26 тысяч – это малые и средние предприятия. В то же время в России в общей сложности действуют лишь около 600 японских компаний.

Некоторые негативные тенденции характерны и для приграничного сотрудничества России с Японией. Одним из важнейших компонентов этого сотрудничества является добыча рыбы и других морепродуктов и торговля ими. Несмотря на давно ведущиеся переговоры о согласовании с японской стороной действий в деле борьбы с контрабандой морепродуктов, объем этой контрабанды остается высоким.

По российской статистике, в 2007 году экспорт морепродуктов из России в Японию составил 112 млн. долл., а по японской статистике – 1 млрд. 20 млн. долл. Таким образом, в указанном году объем незаконного вывоза из России в Японию морепродуктов составил огромную сумму, превышающую 900 млн. долл.

Как представляется, покончить с указанной контрабандой в Японию и другие страны можно лишь, наведя порядок на российской стороне в деле добычи и экспорта морепродуктов. И делать это надо как можно скорее, поскольку крупномасштабные браконьерство и контрабанда ставят под угрозу морские ресурсы России на Дальнем Востоке.

Надо отметить также, что вся морская продукция из России поставляется в Японию и другие страны в виде сырья, что снижает стоимостные показатели экспорта. Важной задачей остается переработка этого сырья и экспорт на японский рынок готовой высококачественной продукции. Здесь имеются хорошие перспективы для двустороннего сотрудничества, так как Япония имеет большой опыт в этой сфере, а японские технологии и оборудование по переработке морских продуктов пользуются большой популярностью на Дальнем Востоке России. Поэтому надо более активно создавать в этом регионе на взаимовыгодных условиях совместные предприятия с участием японского капитала.

В Северо-восточной Азии, частью которой является Дальневосточный регион России, в сфере торговли и инвестиций самые тесные отношения существуют между Японией и Китаем. Китай недавно стал главным торговым партнером Японии, а объем их двусторонней торговли составляет примерно 300 млрд. долл., то есть более чем в десять раз превышает объем российско-японской торговли.

В последние годы активно развивается также торговля между Россией и Китаем. В этом году торговля между двумя странами, по оценкам, достигнет 70 млрд. долл. Это более чем в два раза превысит прогнозируемый объем торговли между Россией и Японией. Между Россией и Китаем существует также ряд перспективных программ в сфере инвестиционного и научно-технического сотрудничества. Другими словами, в экономическом треугольнике Россия-Китай-Япония самой слабой стороной является связка Россия-Япония.

По-видимому, в сфере экономического развития Сибири и Дальнего Востока, прежде всего в освоении их природных ресурсов, назревает определенный крен в сторону сотрудничества России с Китаем. Вряд ли такой перекося отвечает интересам России. Вероятно, и Япония не заинтересована в том, чтобы в деле развития Сибири и Дальнего Востока, а также в их внешнеэкономических связях, доминировал Китай. Поэтому обеим странам - России и Японии – надо приложить усилия к тому, чтобы расширить торгово-экономическое сотрудничество между ними и поднять его на новый качественный уровень.

Однако очевидно, что самой эффективной формой международного сотрудничества в деле развития Российского Дальнего Востока, отвечающей интересам всех его участников, могло бы стать трехстороннее взаимодействие России, Японии и Китая с подключением

государств Корейского полуострова. При этом наша страна должна стремиться к сбалансированному индустриальному развитию своего Дальневосточного региона, с тем, чтобы не закрепиться навеки в примитивной роли поставщика природных ресурсов в соседние страны и рынка сбыта их готовой промышленной продукции, зачастую изготавливаемой из российского же сырья.

Понятно, что в обозримом будущем энергетика, в том числе ядерная, останется главной сферой экономического взаимодействия между Россией и Японией в Сибири и на Дальнем Востоке. В 2009 году между нашими странами было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере ядерной энергетики. Однако, как уже говорилось, после инцидента на АЭС «Фукусима-1» в Японии взят курс на уменьшение доли атомной энергии в энергобалансе страны. Это окажет негативное влияние на сотрудничество между нашими странами в этой сфере.

Вместе с тем указанный курс увеличит спрос в Японии на такие виды энергоресурсов, как нефть, газ и уголь. Россия, со своей стороны, заинтересована в том, чтобы диверсифицировать набор потребителей своих энергоресурсов за счет стран АТР. Эти факторы, безусловно, будут способствовать дальнейшему развитию российско-японского сотрудничества в сфере энергетики.

Важными областями инвестиционного сотрудничества между Россией и Японией в Сибири и на Дальнем Востоке останутся деревообработка и переработка рыбы и морских продуктов. Россия, конечно, заинтересована в экспорте в Японию и другие страны продукции с более высокой добавленной стоимостью. Поэтому, как уже отмечалось, ей надо стремиться создавать в указанных областях совместные предприятия с участием японского капитала. Кроме того, объектами для японских инвестиций могут стать такие отрасли обрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке, как судостроение, авиастроение и другие производства.

Но для этого, как уже подчеркивалось, необходимо создавать на Дальнем Востоке благоприятный климат для привлечения японских прямых инвестиций, в том числе со стороны малых и средних предприятий. Этому могут способствовать также особые экономические зоны, которые надо активно создавать не только в европейской части России, но и на Дальнем Востоке.

Большие возможности для российско-японского делового сотрудничества на Дальнем Востоке и в Сибири содержат и другие области. Например, туризм. Японцы очень любят дикую природу, и Дальний Восток в этом отношении предоставляет для них огромный интерес. Правда, для массового привлечения японских туристов необходима соответствующая инфраструктура.

В общем, несмотря на имеющиеся трудности и преграды, торговое и инвестиционное сотрудничество между Россией и Японией имеет немалый потенциал, но нужна кропотливая работа обеих сторон, чтобы этот потенциал реализовать. А то, что Россия и Япония могут представлять друг для друга интерес не только как продавец и, соответственно, покупатель природных ресурсов, демонстрирует успешное сотрудничество в таких сферах, как железнодорожный транспорт, телекоммуникации, космос и ядерная энергетика, то есть там, где имеется должная конкурентоспособность и взаимный коммерческий интерес. Это подтверждается и планами создания с участием Японии крупного нефтеперерабатывающего завода в районе Владивостока.

П.А. Калмычек

Японская политическая культура в условиях глобализации

Последние несколько десятков лет в мире активно протекают процессы, связанные с интенсификацией экономического, политического и культурного обмена между странами. Завершение «холодной войны» подстегнуло т.н. «глобализацию» и вызвало к жизни

дискуссии о перспективах эволюции политических и экономических систем разных стран в сторону их унификации. При этом, согласно мнению ряда западных исследователей, такое сближение должно было происходить на основе западной модели либеральной демократии. В настоящее время, после того, как вслед за крушением советской командной системы последовал кризис либеральной модели, все больше аргументов можно найти в пользу иной точки зрения: каждая страна будет иметь свой сценарий эволюции политической структуры. На это указывает не только рост значительных различий между странами Запада и исламским миром, но и сохранение характерных особенностей в развитии такой страны, как Япония.

Япония уже более 150 лет не свободна от западного влияния, однако очевидно, что «традиция» в этой стране на всех уровнях довольно успешно борется с «современностью». Несмотря на активные заимствования, японская культура смогла найти свое выражение на новом этапе. Демонтаж авторитарного государства после поражения страны во второй мировой войне не повлек за собой коренных перемен в политической культуре, что привело к сохранению «закрытой» политической системы без активной политической конкуренции. В послевоенный период сфера политики продолжала находиться под сильным влиянием традиции, которая большое значение уделяла личной и коллективной лояльности, иерархии и т.д. На рубеже XX-XXI веков нарастающие проблемы внутреннего и международного плана поставили под вопрос не только целесообразность дальнейшего функционирования «успешной» политико-экономической системы (которая позволила Японии достаточно уверенно миновать кризисные периоды послевоенного развития), но и некоторые фундаментальные принципы организации самого японского общества. В настоящее время Япония ищет свой путь, отвечающий японской своеобразности (в т.ч. менталитету), понимая, что американская и европейская модели развития ей не вполне подходят.

И.П. Лебедева

Японская система организации и управления производством: испытание глобализацией

К настоящему времени процессы глобализации японской промышленности зашли уже достаточно далеко. За рубежами Японии функционируют более 14 тыс. филиалов японских промышленных компаний, на долю которых приходится около 17 % совокупного объема производства национальных и зарубежных предприятий.

Понятно, что при налаживании производства в зарубежных странах японские компании сталкиваются с самыми разными проблемами, поскольку вынуждены оперировать в среде, отличающейся от той, с которой они имеют дело в Японии. В связи с этим встает вопрос о том, в какой степени им удастся использовать на зарубежных филиалах свою знаменитую систему организации и управления производством, поскольку, как известно, выдающиеся достижения японской промышленности в послевоенный период в значительной степени были связаны именно с функционированием этой системы.

Поскольку японская система организации и управления производством представляет собой целостную структуру, все элементы которой тесно взаимосвязаны и тщательно подогнаны друг к другу, существует опасность ее повреждения и даже разрушения при тех или иных обстоятельствах, в частности, при переносе в другую бизнес-среду. Именно с такого рода проблемами и сталкиваются японские компании, когда пытаются, учитывая несомненные конкурентные преимущества этой системы, применять ее на своих зарубежных филиалах.

Очевидно, что часть этих проблем связана с тем обстоятельством, что в процессе создания японской системы организации и управления производством ее творцы опирались на социо-психологические характеристики японской нации, сформировавшиеся под влиянием национальной культуры страны – группизм, приоритет коллективных ценностей,

стремление к консенсусу и *ва* (гармонии), предпочтение долговременных связей и отношений, патернализм, национальная солидарность, эгалитарное сознание и т.д. Благодаря этому им удалось создать систему, которая не только отличалась экономической целесообразностью, но и отвечала представлениям работников о том, что такое компания и как она должна управляться.

Понятно, что часть сбоев, которые происходят в японской системе при переносе ее на другую национальную почву, в другую культурную среду, связана именно с ее национальной специфичностью. Однако, на наш взгляд, значение этого фактора все-таки не следует переоценивать. Ведь если обратиться к основным элементам, формирующим основу как системы организации процесса производства, так и системы организации труда в японских компаниях, то нетрудно заметить, что все они отличаются рациональностью и целесообразностью, а следовательно, представляют ценность и вне национального японского контекста.

Поскольку вопрос о возможности применения японской системы организации и управления производством на зарубежных филиалах японских компаний представляет не только чисто академический, но и большой практический интерес, для его изучения в конце 1980-х годов была создана специальная группа – “Japanese Multinational Enterprise Study Group”, состоявшая из японских и зарубежных ученых и специалистов. Этой группой была разработана единая методика оценки степени применения японской системы на зарубежных филиалах и был проведен ряд полевых исследований в разных странах и регионах мира. Результатом этой большой работы стала публикация нескольких коллективных трудов и ряда индивидуальных монографий, которые в совокупности дают достаточно полное представление как об общем характере изучаемого явления, так и о его региональных и страновых особенностях.

Анализ этих работ показал, что в разных странах и регионах мира под влиянием особенностей местной среды сформировались гибридные системы разной конфигурации. Одни страны оказались более восприимчивы к одним элементам японской системы, другие – к другим. Анализ показал также, что есть элементы, которые не могут прижиться ни в одной стране (например, деятельность малых групп). В то же время, оказалось, что одинаковая степень аппликативности того или иного элемента в разных странах может быть достигнута в совершенно непохожих ситуациях.

Прошедшие со времени открытия первых филиалов годы позволили японским менеджерам накопить ценный опыт управления в чужеродной среде, что несомненно, позволит со временем поднять эффективность деятельности зарубежных предприятий. В то же время очевидно, что этот опыт может им пригодиться и в самой Японии в связи с происходящими в стране изменениями. В частности, в последние годы в Японии происходит увеличение среди молодежи доли лиц, увольняющихся из компании в течение первых трех лет работы. Наблюдается определенное отчуждение работников от дел компании (*кигёбанарэ*), поскольку происходит диверсификация потребностей и стилей жизни людей. Среди высококвалифицированных специалистов возрастает доля тех, кто в поисках более интересной работы или более высокого заработка часто меняет место работы. Очевидно, что опыт, приобретенный японскими менеджерами на зарубежных филиалах, должен подсказать им – как в этих условиях сохранить ядро японской системы – формирование многопрофильной квалификации на основе долговременного найма.

П.В. Кульнева

Опыт японских компаний в управлении китайским персоналом

Увеличение доли промежуточной продукции в мировом товарообороте говорит о формировании производственных сетей в различных регионах мира. Располагая свои производства в нескольких странах, компании должны мыслить глобально, но в то же время

учитывать локальные факторы и приспосабливаться к местным экономическим и социокультурным условиям. Это явление получило название «глокализации».

Опыт японских компаний в управлении китайским персоналом как один из аспектов «глокализации» в мировой экономике представляется особенно интересным, поскольку: 1) за последние десятилетия Восточная Азия превратилась в центр мирового производства; 2) экономики Японии и Китая были важными движущими силами этого процесса; 3) начиная с 1990-х гг. Китай стал крупнейшим реципиентом японского капитала в Восточной Азии; 4) особенно важную роль для реализации стратегий японских компаний в Китае играет наем местного персонала. Можно сказать, что привлечение местного персонала играет ключевую роль для любой компании, желающей приспособиться к новым экономическим и социокультурным условиям.

Статистика рекрутинговых агентств КНР, результаты опросов японских компаний, функционирующих в Китае, и интервью китайских работников говорят о том, что японские компании не являются самым популярным для китайского персонала направлением трудоустройства, проигрывая китайским предприятиям (в том числе, государственным), западным компаниям, а также компаниям гонконгского, тайваньского и сингапурского происхождения. В то же время процент увольнений китайских сотрудников из японских компаний превышает этот показатель для других предприятий. Это говорит о существовании у японских компаний проблем в управлении китайским персоналом уже на стадии найма.

Представляется, что одна из важнейших проблем – несоответствие японской системы управления компанией ценностям и ожиданиям китайских сотрудников. Японские ценности пожизненного найма оказываются несовместимыми с китайскими ценностями карьерного роста, самореализации и индивидуального результата. С другой стороны, не все положительные качества японской системы распространяются на китайских сотрудников. Все это препятствует достижению одной из важнейших целей японского менеджмента – гармонии в коллективе. У китайского персонала формируется определенный негативный имидж японских компаний, на который может также накладываться предвзятое отношение к японцам, связанное с недавним историческим прошлым.

Еще одной проблемой, возникающей у японских компаний на стадии найма китайского персонала, является сложный процесс поиска квалифицированной рабочей силы. Помимо существования некоторых законодательных и институциональных особенностей на китайском рынке труда, поиск квалифицированных сотрудников сам по себе является большой проблемой в силу их неравномерного распределения по территории страны и недостаточной мобильности.

Наконец, одной из главных сложностей на всех последующих этапах управления китайским персоналом являются коммуникативные проблемы, которые могут быть связаны не только с незнанием языка, но и с разницей менталитетов. Вопреки сложившемуся представлению о схожести японской и китайской культур, в мультинациональных компаниях с японским и китайским персоналом возникает множество конфликтов, подтверждающих, что на практике эти народы не столь похожи друг на друга, как может показаться.

Результатом различия менталитетов японцев и китайцев могут быть, например, сложности с оценкой и оплатой труда, конфликты при принятии решений и при организации производственного процесса. Китайцы и японцы по-разному ведут себя по отношению к коллективу, имеют различные представления о долге и ответственности, по-разному выражают свою точку зрения и т.д. Многие различия связаны с более привычной для китайцев системой работы на госпредприятиях, которая сформировала у них непонятные японцам предпочтения количеству, а не качеству и неспособность отделить общественное от частного.

Для преодоления культурного барьера некоторые японские компании по примеру западных предприятий создали в Китае свои школы менеджмента («Минами Фудзи сангё» «Мацусита дэнки»). Ряду японских компаний в Китае (например, «Сантори», «Мацусита эрэбэта», «Тяньцзинь Хонда») удалось разработать стратегии, которые позволили сочетать

положительные стороны японского и китайского менеджмента, привлечь ценные местные кадры и свести к минимуму недопонимание между двумя деловыми культурами. Это позволило компаниям занять лидирующие позиции на китайском рынке.

В целом, степень локализации японских компаний в Китае пока не достаточна. Проблемой остается чрезмерная централизация управления, которая, в конечном итоге, сказывается на эффективности работы предприятия. Представляется, что углубление взаимопонимания между японскими и китайскими сотрудниками и большая вовлеченность последних в различные аспекты деятельности японских компаний могли бы сыграть положительную роль в укреплении позиций японского бизнеса в Китае. Для этого требуется, в первую очередь, повысить привлекательность японских компаний как объекта трудоустройства.

К. Э. Туаева

Официальная помощь развитию как инструмент экономической дипломатии Японии: тенденции и перспективы

Экономическая дипломатия - относительно новая область международной деятельности государств, при этом само понятие успело закрепиться в лексиконе политиков и дипломатов и активно используется исследователями в области мировой политики и международных отношений.

В координатах экономической дипломатии японская ОПР представляет собой, во-первых, экономический инструмент повышения международного статуса и усиления дипломатических позиций Японии на мировой арене, а во-вторых, выступает средством продвижения стратегических экономических интересов Японии за рубежом. Иными словами, ОПР в контексте экономической дипломатии имеет две ипостаси: первую - определяемую внешнеполитическими приоритетами Японии, которая отражает явление «экономизации политики», вторую - вытекающую из экономических интересов страны, которая отражает явление «политизации экономики».

С начала послевоенного периода к последнему десятилетию XX в. Япония превратилась из страны-реципиента международной помощи в одного из главных доноров международных программ помощи развитию.

Современную нормативную базу японской ОПР можно представить в виде трехуровневой пирамиды: в основании лежит Национальная хартия ОПР, средний уровень составляет Среднесрочный курс в области ОПР, а наверху располагается Программа содействия стране. Согласно редакции Национальной хартии ОПР 2003 года, главная цель ОПР заключается в том, чтобы содействовать установлению мира и развитию международного сообщества и посредством этого обеспечивать безопасность и процветание самой Японии. Несмотря на четкую структуру нормативной основы, на повестке дня очередная реформа ОПР, о чём, в частности, сообщается в Заключительном докладе по пересмотру ОПР, представленном МИД Японии в 2010 г.

В Белой книге по вопросам ОПР за 2010 финансовый год, опубликованной в марте 2011 г. уже после Великого восточнояпонского землетрясения, ОПР впервые анализируется и концептуально оформляется в контексте экономической дипломатии. Значимой задачей экономической дипломатии в этом документе названо обеспечение стабильных поставок природных ресурсов, энергоресурсов и продовольствия посредством укрепления отношений со странами-экспортерами.

Динамика ОПР с конца 1990-х годов показывает, что Япония взяла и строго придерживается курса на сокращение объемов средств, выделяемых на этот инструмент внешнеполитической деятельности. По данным официальной статистики, с начала нового столетия происходит планомерное сокращение объемов японской ОПР: так, общий объём ОПР за 2010 фин. год составляет всего 53% от аналогичного показателя за 1997 фин. год.

Таким образом, произошло почти двукратное падение объемов помощи по сравнению с пиковым годом, отмеченным Азиатским финансовым кризисом.

В настоящее время по размерам ОПР в абсолютном исчислении Япония занимает пятое место после США, Великобритании, Франции и Германии. Доля общего объема помощи составляет примерно 0,2% от ВВП, что является самым низким показателем среди развитых стран. Между тем Великобритания приняла на себя обязательство достичь целевого показателя в 0,7% от ВВП, установленного ООН для развитых стран, к 2013 году, а Франция и Германия - к 2015 году. Кроме того, наращивает объемы помощи странам Азии и Африки и мощный сосед Японии - Китай.

Намеренное перемещение инструмента ОПР в координаты экономической дипломатии, подкрепленное документально, вкупе со снижением динамики может свидетельствовать о пересмотре базисных подходов Японии к ОПР и трансформации ее роли в сторону вспомогательного средства решения экономико-политических задач на международной арене.

Четвертая секция «Разное»

О.И. Казаков, ИДВ РАН

О реакции России на Великое бедствие на Востоке Японии

11 марта 2011 г. Японию потрясла трагедия в виде «трёх ударов»: землетрясения силой 9 магнитуд; вызванного землетрясением цунами; выхода из строя из-за волны цунами систем охлаждения АЭС «Фукусима – 1», приведшего к радиоактивным выбросам. Трагедию назвали «Великим бедствием на Востоке Японии». И хотя Япония и японский народ стойчески вынесли эти испытания, но их последствия оказались настолько серьёзны и многоплановы, что эхо землетрясения 11 марта 2011 г. ещё долго будет отдаваться в самой Японии и в мире.

Россия быстро отреагировала на это бедствие: в Японию была направлена группа экспертов из Росатома, потом - большая группа спасателей из МЧС вместе с материальной помощью. Российское правительство приняло решение оказать помощь Японии энергоресурсами, в самой России были организованы места по приёму денег пострадавшим - как через открытие счетов в банках, так и через проведение благотворительных концертов с последующей передачей денег японской стороне. Российский народ продемонстрировал своё искреннее сочувствие японскому народу в этом бедствии. В целом действия российских властей можно признать своевременными и адекватными.

Трагедия на АЭС «Фукусима – 1» встряхнула и Россию, в которой оперативно были проведены стресс-тесты на российских АЭС и активизировалась работа по контролю за радиационным состоянием на Дальнем Востоке. Однако, в отличие от Японии, в России не было митингов и выступлений против строительства новых АЭС и за закрытие старых.

Адекватная реакция России по оказанию помощи Японии также продемонстрировала готовность России сотрудничать с Японией по более широкому спектру вопросов. Появление в Японии 2 сентября 2011 г. нового Кабинета министров во главе с Ёсихико Нода, которому предстоит решать сложные задачи по восстановлению страны после землетрясения 11 марта, должно показать, насколько Япония готова к сближению с Россией. Представляется, что ставка на прагматизм способна стать импульсом к улучшению российско-японских отношений в интересах двух стран.

А.В. Шлындов, ИДВ РАН

Американо-японская система ПРО ТВД в СВА как действующая модель глобальной противоракетной обороны США

После ряда неудач в ходе испытаний наземных элементов национальной противоракетной обороны (НПРО) на территории США американское экспертное сообщество высказалось в пользу разработки новых направлений развития защиты от средств ракетно-космического нападения. Американские специалисты пришли к выводу, что повышения эффективности системы НПРО возможно достичь путем изменения ее структуры. В частности, рассматривалась возможность развертывания нескольких региональных противоракетных систем театра военных действий (ПРО ТВД), что обеспечивало приближение огневых компонентов ПРО к районам пусков и пролетов баллистических ракет потенциального противника, позволяя создать эффективные группировки сил и средств ПРО на наиболее ракетаопасных направлениях.

Наряду с наращиванием боевых возможностей ПРО ТВД на основе новых научно-технических и технологических разработок до уровня, обеспечивающего надежный перехват МБР, это создает реальные предпосылки для последующего формирования глобальной стратегической ПРО с элементами наземного, морского и воздушно-космического базирования путем их объединения под единым боевым управлением. При этом морской элемент ПРО признан более перспективным ввиду его мобильности и более высокой боевой эффективности, а противоракетная оборона морского района (ПРО МР) в конечном итоге может быть использована и как составной элемент многоуровневой национальной ПРО США (НПРО США).

Комплексная программа создания региональной ПРО морского базирования, получившая название ПРО расширенного морского района (РМР), предусматривала создание двух рубежей морского базирования. На Тихом океане первый рубеж предполагалось развернуть в Японском море в непосредственной близости от КНР и Северной Кореи. Второй – на подступах к западной части Тихоокеанского побережья США на случай, если ракеты противника преодолеют первый рубеж. В развернутых в США НИОКР ставилась задача разработать систему ПРО морского базирования, способную перехватывать баллистические ракеты на промежуточном участке их траектории до вхождения в атмосферу и таким образом прикрывать более обширную географическую зону. Американская концепция ПРО ТВД как и ее разновидность ПРО РМР в первое время не находила активной поддержки у союзников США. Им было очевидно, что Вашингтон заинтересован в создании ПРО ТВД прежде всего для защиты собственной территории. Руководство Японии, главного военного союзника США на Дальнем Востоке, на проходивших с середины 1990-х годов японо-американских переговорах по этому вопросу также проявляло сдержанность, находя формальные оправдания для отказа от участия в совместном с США проекте формирования ПРО ТВД. Позиция Токио резко изменилась в 1998 году после испытательного запуска КНДР баллистической ракеты, головная часть которой пролетела над Японией и упала в Тихий океан. В декабре 2003 г. японское правительство приняло решение о разработке и развертывании совместной с США региональной системы ПРО (ПРО ТВД). По мнению политического и военного руководства Японии, реализация этого решения позволяла парировать ракетную угрозу не только со стороны КНДР, но и Китая, в арсенале которого, помимо межконтинентальных баллистических ракет, имеется большое количество ракет средней и промежуточной дальности, в зоне действия которых находится вся территория Японии.

Концепция ПРО Японии предусматривает две составляющие: морскую и наземную и, соответственно, два рубежа. Предполагается, что после полного развертывания она будет прикрывать район, простирающийся от Тайваня на юге и распространяться на север, включая акватории Японских островов, и далее вплоть до Камчатки. Структура ПРО Японии в целом копирует американскую концепцию ПРО расширенного морского района. Морской компонент ПРО Японии в настоящее время сформирован из четырех эскадренных миноносцев управляемого ракетного оружия (ЭМ УРО) типа «Конго». На них развернут командно-управленческий комплекс «Иджис» (Aegis). В качестве средства огневого поражения используется корабельный зенитно-ракетный комплекс SM-3 (Standart, SM-3

block I). Максимальная эффективная дальность поражения противоракетами SM-3 block I более 500 км, максимальная высота перехвата более 250 км, скорость до 4500 м/с. Корабли с комплексами SM-3 block I в большинстве сценариев разворачиваются в относительной близости от районов старта ракет противников в секторах предполагаемых траекторий их полета к целям. Комплексы SM-3 block I способны осуществлять перехват баллистических ракет на срединном (высотном) участке их траектории. Считается, что при наличии соответствующего информационного обеспечения они могут быть эффективны и для перехвата баллистических ракет уже на старте.

Судя по сообщениям печати, японские ЭМ УРО типа «Конго» уже начали патрулирование на позициях в Японском море. Наземный компонент ПРО Японии включает формирования, оснащенные хорошо зарекомендовавшими себя в боевом применении системами «Пэтриот» (Patriot Advanced Capability, PAC) последней модификации PAC-3. Эта система ПВО-ПРО ближнего перехвата предназначена главным образом для поражения оперативно-тактических ракет (ОТР). Однако она способна поражать маневрирующие и самонаводящиеся боевые блоки стратегических ракетных систем. Предназначение наземного компонента – защита конкретных объектов, например, столицы страны от МБР противника, преодолевших морскую составляющую ПРО. Практически обе составляющие ПРО ТВД Японии в настоящее время сформированы и поставлены на боевое дежурство. Идет их наращивание и развитие. Это право суверенного государства. Однако развитие военно-политической обстановки в мире и, в частности, в Северо-Восточной Азии, диктует необходимость для России и других соседних с Японией стран учитывать японскую ПРО ТВД, особенно ее морской компонент, как существенную составляющую не только регионального, но и глобального баланса стратегических сил в мире. По мнению российских специалистов, эсминцы УРО, оснащенные комплексами «Иджис» с ракетами SM-3 block I, находясь на заданном расстоянии от позиционных районов российских ракетных подводных лодок, могут перехватывать их ракеты на активном участке траектории, в том числе и сразу после старта. Необходимо иметь в виду, что в рамках подписанного США и Японией в декабре 2004 г. соглашения о сотрудничестве в создании региональной ПРО обе стороны брали на себе также обязательство по объединению усилий в разработке новых более эффективных средств ПРО, в частности, перспективной ракеты-перехватчика SM-3 block II. По мнению специалистов, дальность поражения SM-3 block II может быть доведена до 1500 км, что практически превратит указанную систему в стратегическую. Создание нового огневого компонента системы ПРО ТВД в виде противоракеты SM-3 block III совместными усилиями американских и японских специалистов планируется завершить до 2018 г. В США ведутся работы по модернизации системы боевого управления «Иджис». Цель модернизации – существенное увеличение возможностей по обнаружению и сопровождению ракет, а также по селекции ложных и реальные боеголовки. Можно констатировать, что США и Япония совместно уже сформировали базовую основу ПРО ТВД в западной части Тихого океана. По ее образцу в перспективе будут формироваться региональные стационарно-мобильные системы ПРО ТВД, в которых основным компонентом будут морские силы. Их формирование будет осуществляться постепенным наращиванием сил, возможно даже без демонстрации их предназначения. Развертывая группировки сил и средств ПРО на ракетноопасных направлениях по образцу уже функционирующей японо-американской системы ПРО ТВД в СВА, США и их союзники могут по мере отработки соответствующих технологий дополнять их космическим эшелонам, поэтапно наращивать их боевые возможности. В конечном итоге это позволит США создать глобальную эшелонированную систему ПРО, способную осуществлять перехват всех типов баллистических ракет, стартующих из любой точки земного шара с момента их запуска, и тем самым резко изменить нарушить баланс стратегических сил ядерного сдерживания в свою пользу. Эффективность такой системы ПРО будет повышаться по мере сокращения количества ракет-носителей и боевых блоков потенциальных противников.

Оперируя формулой «эффективность-стоимость» и имея при этом в виду, в первую очередь, уровень предотвращенного ущерба, обеспечиваемый применением систем ПРО, американские эксперты пришли к выводу о приоритетном значении систем защиты от средств ракетно-космического нападения вероятных противников. Это во многом предопределило как выход США в 2002 г. из подписанного между США и СССР Договора об ограничении систем ПРО, так и их согласие США на многократное сокращение боеголовок и ракет-носителей в подписанном между США и Россией новом договоре по СНВ. Судя по всему, после выхода США в 2002 г. из Договора по ПРО американское руководство ставит цель сломать систему взаимного ядерного сдерживания и обеспечить себе абсолютное военное превосходство, надежно прикрыв, в первую очередь, свою территорию, а также американские базы на территориях своих союзников.

На стадии создания Соединенными Штатами региональных систем ПРО с ограниченными возможностями перехвата баллистических ракет (БР), какими являются уже функционирующая в настоящее время американско-японская система ПРО в СВА и создаваемая Евро ПРО, России необходимо добиваться от Вашингтона подписания юридически обязывающего документа, гарантирующего ненаправленность указанных противоракетных систем против стратегических ядерных сил России. Такой документ должен быть ратифицирован Федеральным Собранием России и Конгрессом США и иметь длительный срок действия. Он должен распространяться не только на Евро ПРО, но и на американско-японскую систему ПРО в СВА, поскольку на основе их объединения, как указывалось выше, планируется создать глобальную эшелонированную систему ПРО. В документ целесообразно включить конкретные критерии, касающиеся дислокации и количества ракет-перехватчиков, задействованных в системе ПРО, их технических параметров, таких как высота и скорость перехвата БР, а также обязательство не создавать космический эшелон. В части, касающейся высоты перехвата, скоростных и других технических характеристик ракет-перехватчиков, а именно они являются одним из главных показателей их способности перехватывать стратегические МБР, необходимо ориентироваться на подписанный в 1997 г. Министром иностранных дел РФ Е. Примаковым и госсекретарем США М. Олбрайт протокол, определявший технические параметры разграничения стратегической и нестратегической ПРО при развертывании региональных противоракетных систем. Одновременно документ должен в обязательном порядке содержать обязывающие меры по обеспечению в сфере ПРО режима транспарентности и верификации, аналогичного тому, который уже имеется в сфере стратегических наступательных средств.

По состоянию на 07.12.2011